

ИСТОРИОГРАФИЯ И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПАМЯТНИКОВ КОШКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Культура названа по эпонимному памятнику — стоянке Кошкино V (южная окраина д. Кошкино, Белозерский р-н Курганской обл.). Прошло уже 45 лет со времени открытия этого памятника, однако в атрибуции материала, в частности керамики, существуют разные, порой противоположные точки зрения. Как правило, хронологическую и культурно-историческую позицию вновь открытых археологических комплексов исследователи пытаются установить путем поиска аналогий в материалах уже известных археологических культур. Эта позиция уточняется по мере накопления источников. Высказанное Л. Я. Крижевской соображение относительно хронологической и культурной близости древностей кошкинского и боборыкинского типа надолго укрепилось в среде уральских археологов. В настоящее время по-прежнему дискутируется вопрос об атрибуции памятников кошкинского типа — представляют ли они самостоятельную культуру или стадию в развитии боборыкинской. При этом одни исследователи считают древности кошкинского типа более ранними, а другие относят их к заключительной стадии боборыкинской культуры. Утверждение той или иной позиции нашло отражение в нечеткости терминологии: наряду с керамикой «кошкинского типа», появилась керамика «кошкинско-боборыкинского» или «боборыкинско-кошкинского» типа.

На наш взгляд, многие спорные вопросы могли бы быть сняты при двух основных условиях. Во-первых, при объективной и по возможности полной публикации исходного материала, как в описательной, так и графической форме. Археологическая графика обладает мощным информационным потенциалом. Отсутствие в публикациях четких рисунков ведет к субъективному восприятию материала. Кроме того, исследователь должен по возможности оперировать целыми предметами, а не только их фрагментами, не дающими полной информации о той или иной категории находок. Во-вторых, вновь исследуемые памятники кошкинской культуры необходимо анализировать с опорой на материалы базовых однослойных поселений или многослойных, но с изолированными культурными напластованиями. Недопустимо использование единичных фактов для широких обобщений, как и специфики отдельного комплекса — для характеристики всей культуры.

Актуальность данной работы продиктована дефицитом обобщающих публикаций по проблемам кошкинской культуры и усиливающейся тенденцией интерпретации керамики кошкинского типа без обращения к тому материалу, на основании которого она была выделена. Когда ситуация начинает заходить в тупик, необходимо вернуться к истокам и еще раз заострить внимание на специфических признаках кошкинской посуды, которые, на наш взгляд, позволяют выделить ее не только в самостоятельный тип, но и археологическую культуру.

Керамика кошкинского типа была выделена по раскопкам стоянки Кошкино V и поселений на Андреевском озере близ Тюмени.

Стоянка Кошкино V расположена на первой надпойменной террасе левого берега реки Тобол. Она открыта в 1962 году В. Юровской (В. Т. Ковалевой) и А. Ширяевым и в этом же году частично исследована под руководством Л. Я. Крижевской раскопом площадью 25 кв. м. Памятник однослойный. Культурный слой — супесь светло-серого цвета мощностью до 0,3 м — залегал сразу под дерном толщиной до 0,15 м и содержал фрагменты керамики от 13–15 сосудов (рис. 1) и единичные изделия из камня. Сосуды закрытые или прямостенные с округлым (рис. 1 – 4) или плоским дном (рис. 1 – 5–8). Обращает на себя внимание различное оформление венчиков. Они приостренные с одной или с двух сторон, с утолщением подтреугольной формы на внутренней стороне, с карнизом или воротничком по внешнему краю сосудов. Орнамент выполнен путем прочерчивания заостренным стержнем или в большинстве случаев — отступающей палочкой: протягиванием инструмента без отрыва от поверхности с периодическим нажимом. На ряде сосудов встречаются пояса из неглубоких ямочных вдавлений. Узор в виде горизонтальных поясов из прямых, наклонных и волнистых линий расположен в верхней

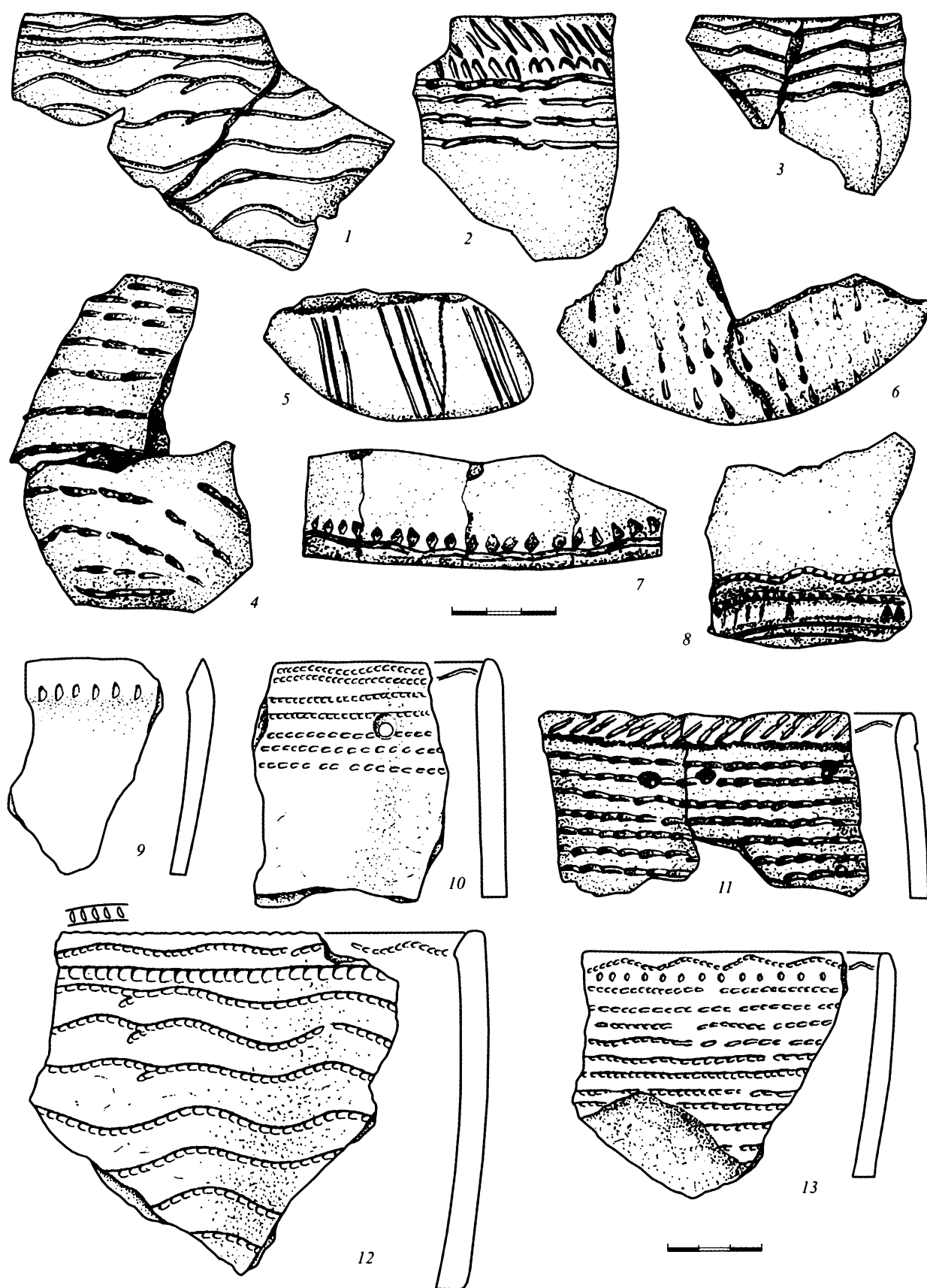

Рис. 1. Стоянка Кошкино V. Керамика (по Л. Я. Крижевской)

и придонной частях сосуда. Один сосуд орнаментирован по всей внешней поверхности, включая дно, горизонтальными поясами из прямых линий (рис. 1 – 4). Плоские днища тоже орнаментировались. С внутренней стороны орнамент наносился по венчику в виде горизонтальной волнистой линии (рис. 1–10–13). Срез венчика некоторых сосудов оформлен насечками (рис. 1 – 12).

При атрибуции этого комплекса Л. Я. Крижевская оказалась в затруднительном положении. В то время на Урале плоскодонная керамика с прочерченно-накольчатой техникой орнаментации была известна только по раскопкам на поселении Боборыкино II. Исследователь пришла к заключению о чрезвычайной близости керамики Кошкинской стоянки и боборыкинской — по сочетанию в комплексах округлодонной и плоскодонной посуды, техники орнаментации. В то же время Л. Я. Крижевская допускала более ранний возраст вновь открытой керамики по сравнению с боборыкинской, поскольку видела в ней больше неолитоидных черт — отсутствовали деление на зоны и сложные геометрические узоры. Тем не менее керамика Кошкинской стоянки была включена в боборыкинскую культуру и датирована соответственно — энеолитом или ранней бронзой¹.

С 1967 года начались планомерные исследования Уральской археологической экспедиции на южном побережье Андреевского озера в 18 км к юго-востоку от Тюмени. Андреевские озера представляют собой систему проточных озер, куда входят Большое и Малое Андреевские, Грязное, Песьянка, Батарлыга и др., соединенные переймами (протоками) и представляющие собой остатки древнего русла реки Пышмы. В ходе разведочных работ было установлено наличие культурных отложений разных эпох вдоль всего южного берега Андреевского озера (далее – ЮАО), которое было разбито на условные участки в зависимости от характера памятников – ЮАО-I, II, III и т. д., всего 24 участка. Поселения занимали возвышенные площадки бортовой террасы. Поверхность их была хорошо задернована. Ближе к кромке берега находились поселения эпохи неолита, более поздние памятники удалены от воды на значительные расстояния. Древности кошкинского типа исследовались на участках ЮАО-V, VI, XII, XIII-A, XV и др.

На многослойном поселении ЮАО-V раскопки проводились под руководством В. Д. Викторовой в 1967, 1969–1971 годах. Керамика, аналогичная керамике со стоянки Кошкино V, была выделена типологически (рис. 2; 3). Сосуды имеют закрытую форму. Венчики приострены, часть их имеет небольшой подтреугольный наплыв с внутренней стороны. Сохранился один фрагмент от сосуда с плоским дном (рис. 3 – 9). Толщина стенок — 0,6–0,8 см.

Орнамент выполнен преимущественно в технике отступающей палочки и прочерчивания, а также неглубокими ямочными вдавлениями. Срез венчика в большинстве случаев оформлен насечками. В верхней части сосудов преобладают горизонтальные зоны из прямых и волнистых линий, единично – зигзага или вертикальных отрезков. На одном сосуде горизонтальная зона из волнистых линий разбита столбиком из двух параллельных прямых, выполненных ямочными наколами (рис. 2 – 3). Наиболее интересной является композиция из разнонаправленных и частично пересекающихся прямых и волнистых линий (рис. 2 – 7). С внутренней стороны орнамент нанесен по венчику в виде горизонтальной волны или зигзага.

На стоянке ЮАО-VI, занимающей ровную площадку, удаленную на 100–120 м от современной линии берега, культурный слой залегал равномерно и представлял собой супесь светло-коричневого цвета мощностью до 0,3–0,4 м, содержащую культурные остатки разных времен. Раскопки производились в 1969 году под руководством В. Д. Викторовой, В. Ф. Генинга, В. Т. Юровской. Керамика кошкинского типа встречалась на поселении неравномерно, локализуясь главным образом в раскопе 1 (рис. 4 – 1–2). Сосуды больших размеров, диаметром по венчику от 20 до 30–40 см. Тесто рыхлое, в глине растительная примесь. Толщина стенок сосудов — 0,5–1,0 см. Наружная поверхность тщательно заглажена. Стенки сосудов прямые или слегка наклонены внутрь, венчики скошены с внутренней или с внешней стороны, часть сосудов имеет небольшие подтреугольные наплывы с внутренней стороны венчика. Орнамент выполнен в прочерченной или накольчатой технике, а также ямочными вдавлениями. Узор разрежен и в большинстве случаев располагается только по верхней и придонной части сосудов. Основные мотивы — горизонтальные прямые и волнистые линии. У одного сосуда наплыв на внутренней стороне венчика орнаментирован горизонтальным пояском из волнистой линии и ямочных наколов в сочетании с рельефными зооморфными головками (рис. 4 – 1). Изображение (медведя?) обращено внутрь

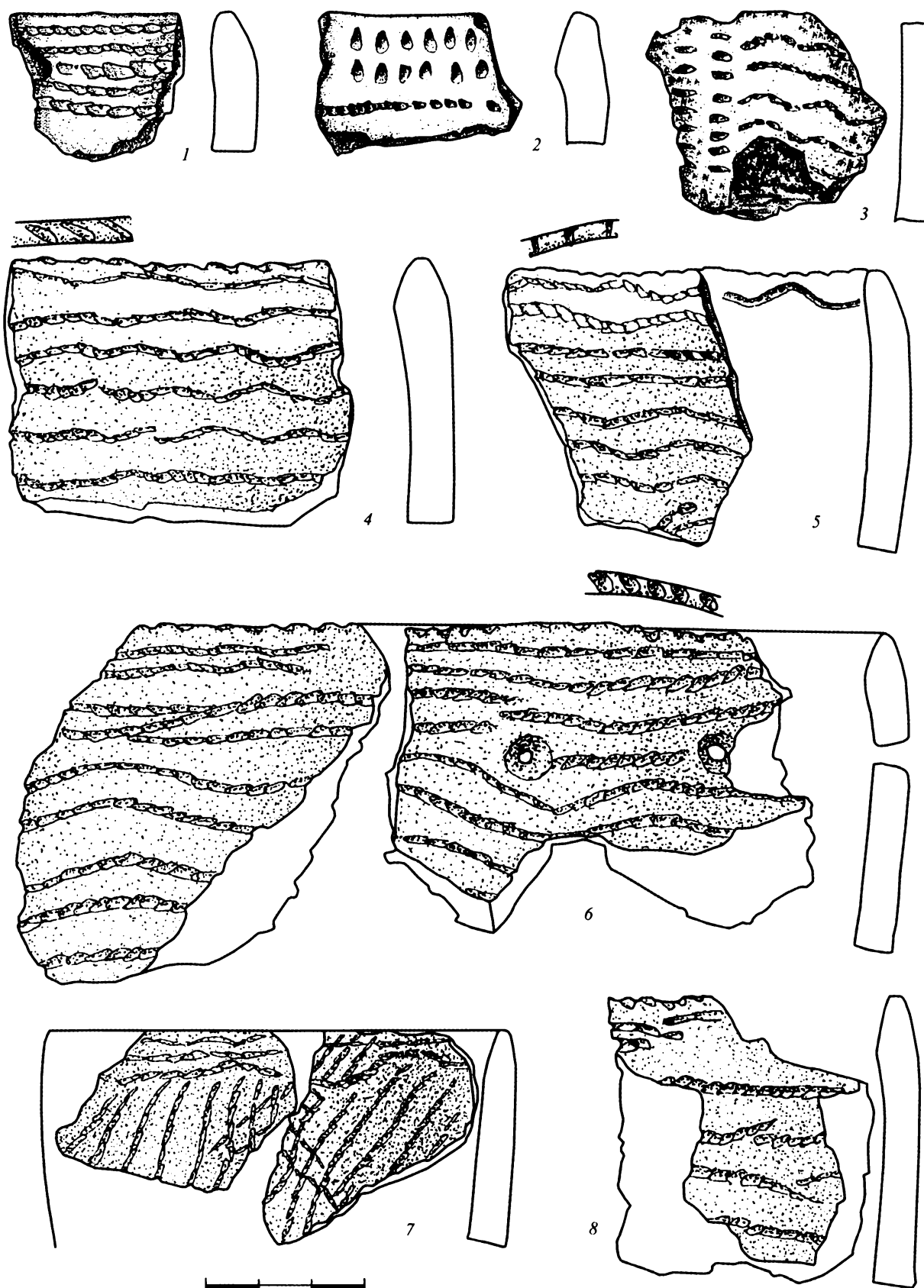

Рис. 2. Поселение ЮАО-V. Керамика

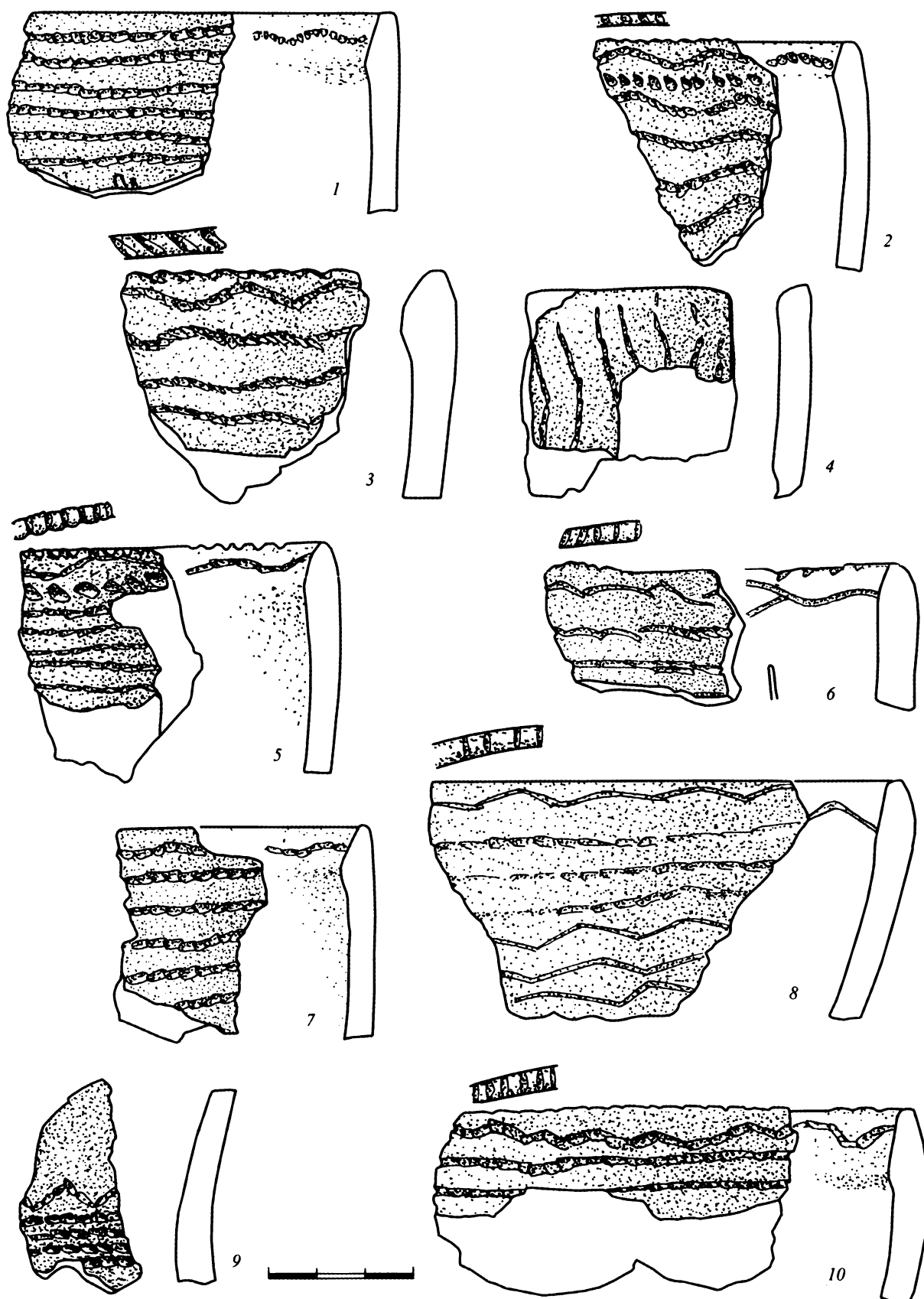

Рис. 3. Поселение ЮАО-V. Керамика

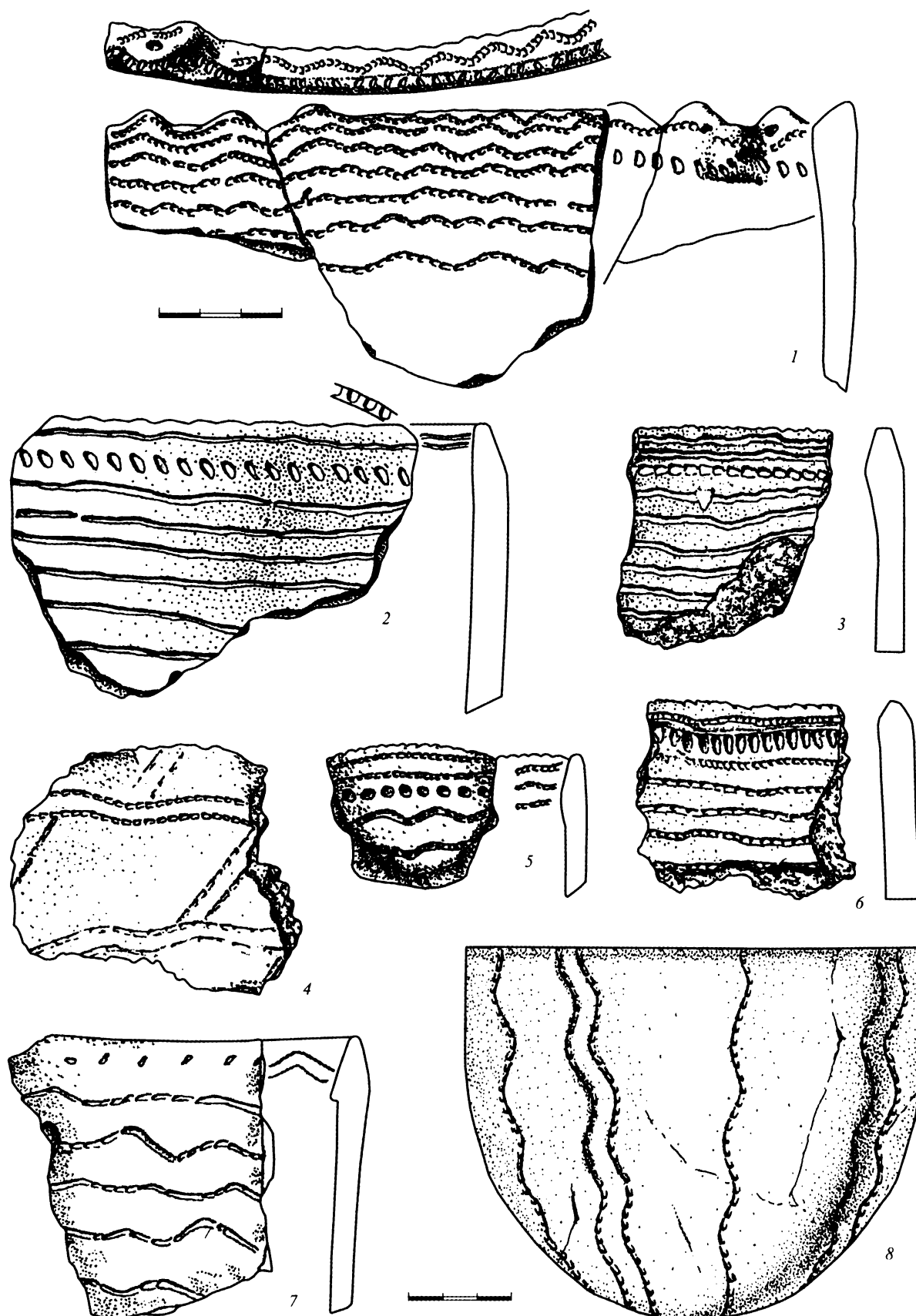

Рис. 4. Керамика кошкинского типа. 1, 2 – ЮАО-VI; 3–7 – ЮАО-XII; 8 – Карьер II

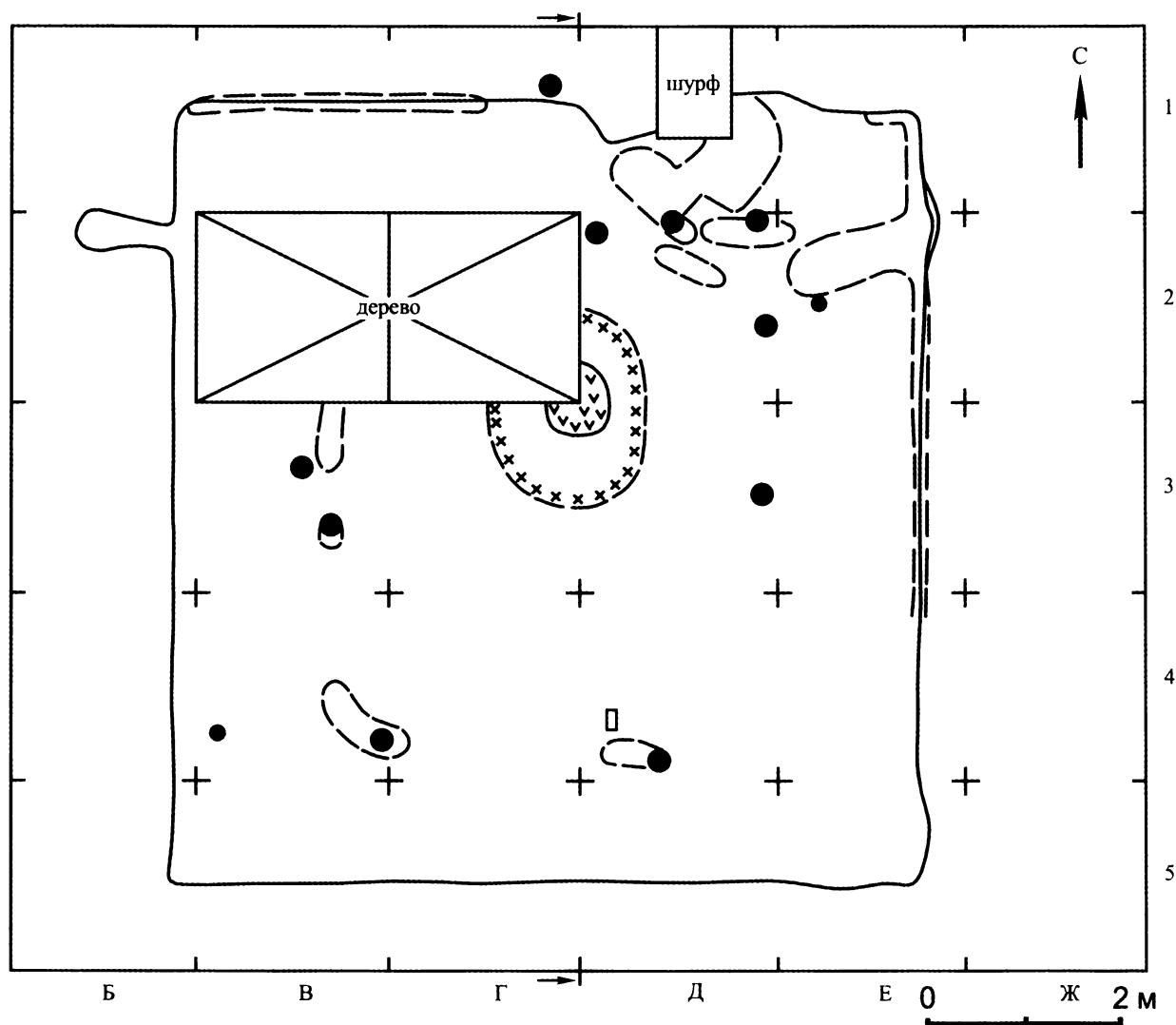
сосуда. Голова показана в виде налепного выступа, изображающего морду; глаза обозначены ямками, а уши смоделированы защепами таким образом, что они несколько возвышаются над обрезом венчика, придавая ему волнистый характер. Такие рельефные зооморфные головки, главным образом с внешней стороны сосудов, найдены на неолитических памятниках горно-лесного Зауралья. В Притоболье это пока единственный сосуд кошкинского типа с рельефным зооморфным изображением. Вместе с керамикой обнаружен каменный инвентарь, представленный пластинами из серого и светло-серого кремня с вторичной обработкой и без нее, скребками на отщепах, подтреугольным наконечником стрелы.

Керамика, аналогичная керамике Кошкинской стоянки, найдена и на других памятниках Андреевского озера (рис. 4 – 3–8). Несмотря на отмеченное Л. Я. Крижевской сходство с керамикой боборыкинского типа, она по всем основным признакам отличалась от последней. Сосуды боборыкинского типа в основном плоскодонные, сложнопрофилированные, без наплывов и воротничков как с внутренней, так и с внешней стороны, изготовлены из плотного теста. Обжиг посуды хороший, черепок плотный. На внешних стенках некоторых сосудов сохранились следы покрытия охрой. Орнамент наносился инструментом типа лопаточки глубоким прочерчиванием или нарезкой. Значительное место в орнаментации боборыкинской керамики принадлежало неглубоким ямочным вдавлениям; техника отступающей палочки использовалась в меньшей степени. Для орнаментации керамики боборыкинского типа характерны развитый геометризм и сложная структура композиций.

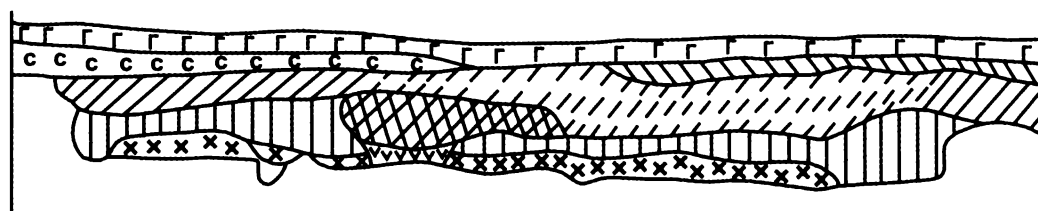
Отмеченные различия позволили В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкину поставить вопрос о выделении керамики кошкинского типа, предшествующей боборыкинской, но генетически с ней связанной². Авторы пришли к выводу о поздненеолитическом возрасте керамики кошкинского типа и ее местном происхождении, а также формировании на ее основе боборыкинской культуры, которая в то время считалась энеолитической. На атрибуцию керамики кошкинского типа с озера Андреевского большое влияние оказала единственная до сих пор находка – фрагмент сосуда типично кошкинского типа, но с рельефным зооморфным изображением с внутренней стороны (рис. 4 – 1). Подобные оформления венчиков известны на неолитической посуде горно-лесного Зауралья³. Именно сосуд с рельефным зооморфным налепом был одним из основных аргументов как в отношении неолитического возраста керамики кошкинского типа, так и формировании ее на местной основе.

Дальнейшие раскопки на Андреевском озере, на участке XII, значительно пополнили источниковую базу древностей кошкинского типа. В 1975 году В. Д. Викторова исследовала жилище подквадратной формы размерами 8,3 × 8,0 м, глубиной котлована — 0,6–0,8 м (рис. 5). По периметру котлована, вдоль северной и восточной стенок, зафиксирована канавка шириной 0,2 м, глубиной 0,10–0,15 м. Очаг находился в центре, с небольшим отклонением к северу, и, по всей вероятности, был приподнят над полом. Центральная часть жилища несколько углублена, по краю этого углубления зафиксированы восемь ямок от столбов и неглубокие (0,1 м) канавки шириной 0,3–0,4 м. На дне котлована собрана керамика кошкинского типа. Западная часть жилища перекрыта ямой овальной формы, в которой найдены фрагменты сосуда боборыкинского типа⁴.

В 1977 году Н. В. Варанкин раскопал еще одно жилище на этом участке, в заполнении которого находилась керамика кошкинского типа (рис. 6). Котлован жилища имел подпрямоугольную форму, размеры — 9,6 × 7,2 м, глубину — 0,4–0,6 м. В центральной части котлована зафиксирован прокол от очага диаметром 0,7 м, толщиной 0,15 м. Северо-восточная часть котлована углублена ниже уровня пола на 0,1 м. В квадрате Д/2 отмечена канавка длиной 1,6 м, шириной 0,35 м, а в квадратах Е/3, Е/4 зафиксирована яма диаметром 0,92 м, глубиной 0,24 м. На дне ямы найдены фрагменты керамики кошкинского типа. В центральной части жилища, на уровне пола, обнаружены остатки тлена от деревянной конструкции размерами 1,2 × 1,2 м, в заполнении которой выше уровня пола жилища сохранились следы прокала диаметром 0,75 м. По мнению Н. В. Варанкина, это могли быть остатки очага, приподнятого над уровнем пола. Рядом с очагом находилась яма диаметром 0,8 м, заполненная зольным слоем, стенки ее были укреплены деревянными плахами. На дне ямы проступали грунтовые воды. Ниже уровня пола обозначилась канавка, проходившая вдоль стен жилища. На некоторых участках в ее заполнении сохранились остатки дерева. В жилище найдены фрагменты керамики кошкинского типа от 24 сосудов, а также каменные изделия (24 экз.), в том числе два сломанных наконечника стрел на пластинах, концевой

Профиль бровки по линии Д (вид с запада)

—	- очертания жилища на уровне -160 см	Г Г Г	- гумус
- - -	- очертания жилища на уровне -180-200 см	с с с	- супесь оранжевого цвета
х х х	- угли	ш ш ш	- супесь коричневого цвета
у у у	- прокол	л л л	- светло-коричневая супесь
□	- шлифовальная плита	т т т	- светлая супесь
●	- ямка от столба	к к к	- серо-коричневая супесь
		ч ч ч	- темно-коричневая супесь

Рис. 5. Поселение ЮАО-ХІІ. План и профиль жилища (по В. Д. Викторовой)

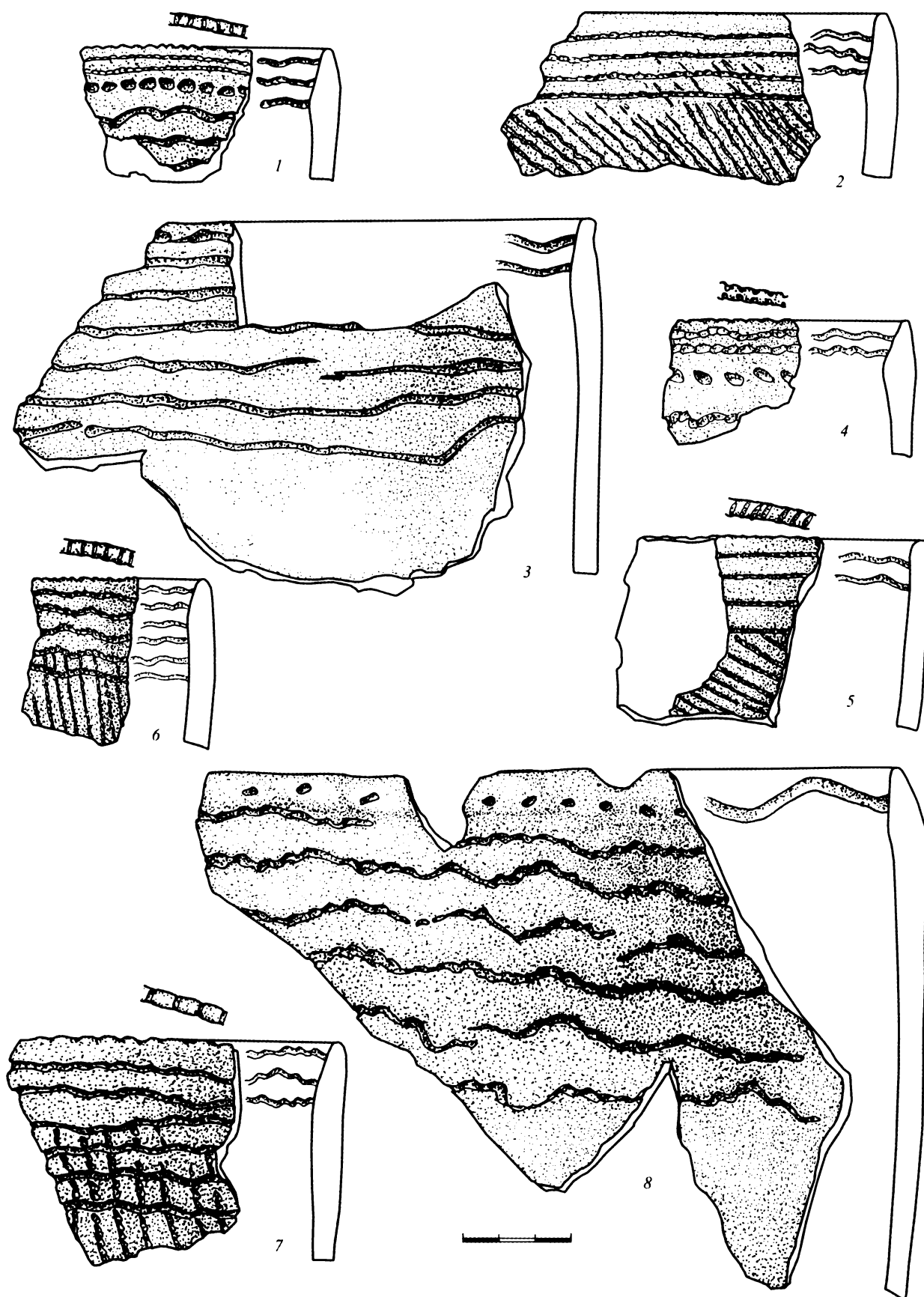

Рис. 7. Поселение ЮАО-ХІІ. Керамика

скребок и скребок на отщепе, пластина с односторонней приостряющей ретушью, ретушер на пластине, миниатюрное тесло, пластины без ретуши⁵. Рядом с жилищем находилась яма размерами 1,57 × 0,80 м, глубиной 0,3 м, в заполнении которой тоже была обнаружена керамика кошкинского типа.

В те же годы раскопки на ЮАО-ХII проводились под руководством Н. А. Алексашенко. Исследовано подквадратное жилище размерами 11,5 × 11,0 м, глубиной котлована 0,35–0,50 м. У южной границы жилища зафиксирована канавка шириной 0,15–0,25 м, глубиной 0,35 м; в южной стенке находился коридорообразный выход шириной 0,8 м. В центре жилища зафиксирована яма размерами 2,6 × 2,0 м, глубиной 0,7 м, заполненная черной углистой супесью. Сверху яма частично перекрыта линзой глины толщиной 0,4 м. Находки в жилище немногочисленны и представлены несколькими каменными изделиями и фрагментами керамики кошкинского типа⁶.

Еще одно жилище с керамикой кошкинского типа было исследовано частично. Оно тоже имело подпрямоугольную форму, размеры — 7,8 × 6,2 м и было углублено в материк до 0,6 м. На полу жилища зафиксированы канавки шириной 0,4–0,6 м, глубиной 0,15–0,20 м. По периметру постройки выявлены ямки от столбовой конструкции. В заполнении жилища находилась керамика кошкинского типа (рис. 7).

Таким образом, раскопками на ЮАО-ХII выявлен тип жилища, который исследователи соотнесли с керамикой кошкинского типа. Вполне возможно, исследованные жилища относились к одному поселению, поскольку они находились на расстоянии 6–10 м друг от друга и в заполнении их находилась однотипная керамика. Жилища подпрямоугольные, площадью от 50 до 120 кв. м, углубленные в материк на 0,5–0,8 м. Очаги устраивались в центральной части домов и были несколько приподняты над полом. Особенность жилищ кошкинского типа — наличие канавок и ям в полу. Следует отметить зафиксированное В. Д. Викторовой перекрытие одного из кошкинских жилищ ямой, содержащей керамику боборыкинского типа.

Ареал древностей кошкинского типа был расширен стационарными и разведочными работами в Нижнем Притоболье. Керамика кошкинского типа найдена на поселениях Лисья гора в 8 км к юго-западу от Кургана, в пойме Тобола (рис. 8 – 1), Ново-Шадрино I (Упоровский р-н Тюменской обл.) (рис. 8 – 2), Убаган I и III (Притобольский р-н Курганской обл.), Охотино (Белозерский р-н Курганской обл.).

Накопление материалов и расширение ареала древностей кошкинского типа до Казахстана послужили основанием для выделения самостоятельной группы памятников — кошкинской. Однако вопрос о ее генезисе на основе зауральского неолита вступал в противоречие с имеющимися данными. Так, керамика кошкинского типа имеет выразительные параллели в керамике Восточного Прикаспия — культуре Бекбеке, а также в посуде северных районов Прикаспия. Сходство комплексов керамики отдаленных районов привело исследователей к постановке проблемы миграции в Нижнее Притоболье населения из юго-западных районов Восточной Европы⁷. Попытку В. Т. Ковалевой связать происхождение древностей кошкинского и сосновоостровского типа с развитием полуденской стадии зауральского неолита надо признать неудачной⁸. Во-первых, в комплексах керамики кошкинского типа неизвестны даже единичные фрагменты с гребенчатым орнаментом. В этой связи практически невозможно объяснить переход от гребенчатой (гребенчато-струйчатой) техники орнаментации к прочерченно-накольчатой. Во-вторых, плоскостность, как и разнообразное оформление венчика, свойственны только посуде кошкинского типа, но не сосновоостровского.

Логичнее было бы предположить хронологическую близость памятников кошкинского и козловского типов, поскольку на кошкинской посуде единично встречается мотив из вертикальных лесенок, выполненных ямочными вдавлениями (рис. 2 – 3), столь характерных для посуды козловской культуры. Эти факты, скорее всего, отражают контакты различных групп населения. Кроме того, отмеченные типы керамики сближает отсутствие в орнаментации гребенчатой техники, наличие наплывов на внутренней стороне венчика. Вполне возможно, сходство этих признаков свидетельствует о каких-то общих корнях козловской и кошкинской культур или разных миграционных потоках из южных областей с негребенчатой орнаментальной традицией.

Проблема соотношения древностей кошкинского и боборыкинского типа была рассмотрена в связи с раскопками В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкина на поселении ЮАО-ХV, произведенными в 1976–1977 годах. Раскопом 1 исследованы остатки трех жилищ кошкинской группы (№ 1, 2, 4), а также жилище 3

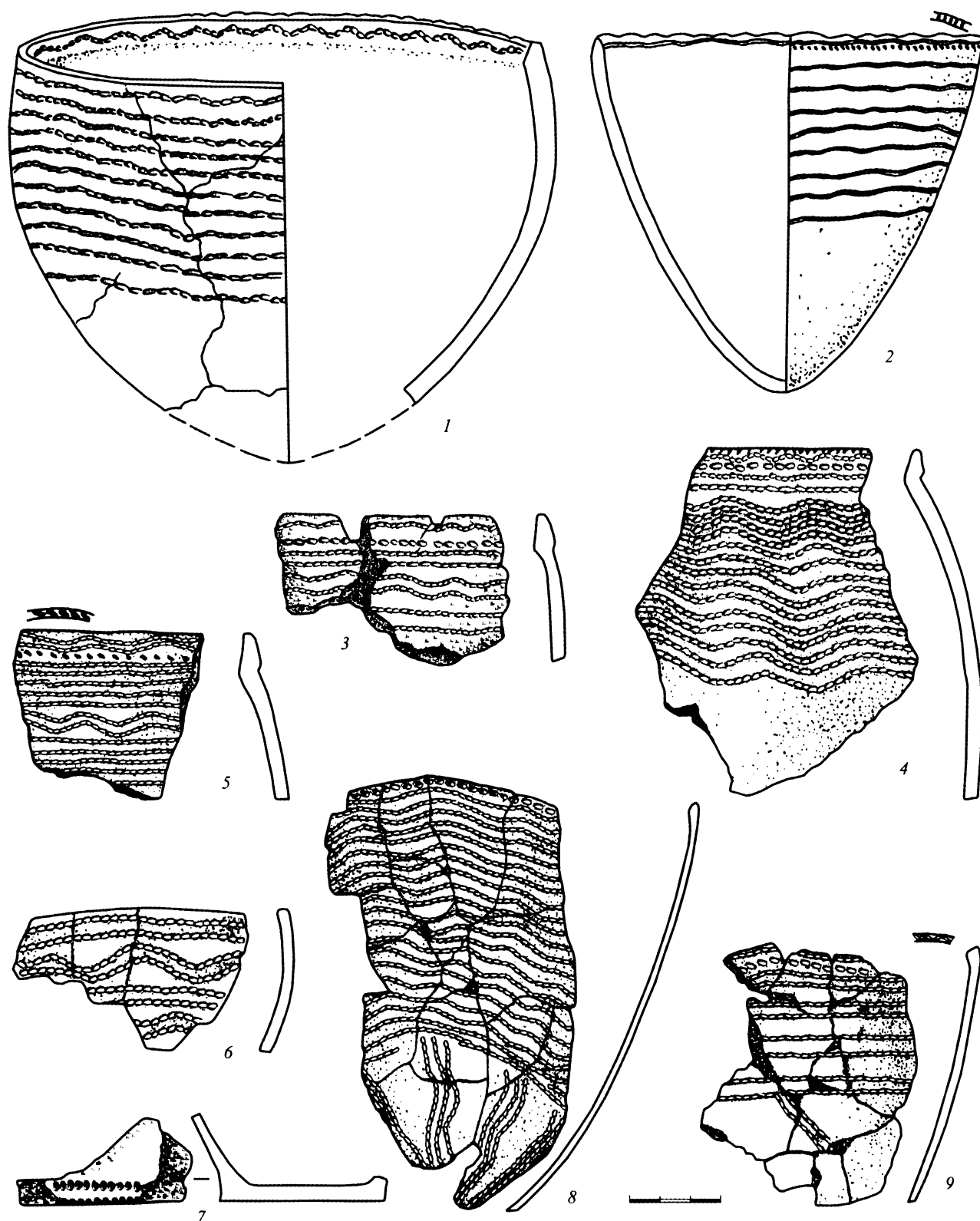

Рис. 8. Керамика кошкинского типа.

1 – Лисья гора (по Т. М. Потемкиной); 2 – Ново-Шадрино I (по Н. К. Стефановой);
3–5 – Кокшаровско-Юрьинская стоянка; 6 – Полуденка I; 7–9 – Кокшарово VII (по В. А. Арефьеву)

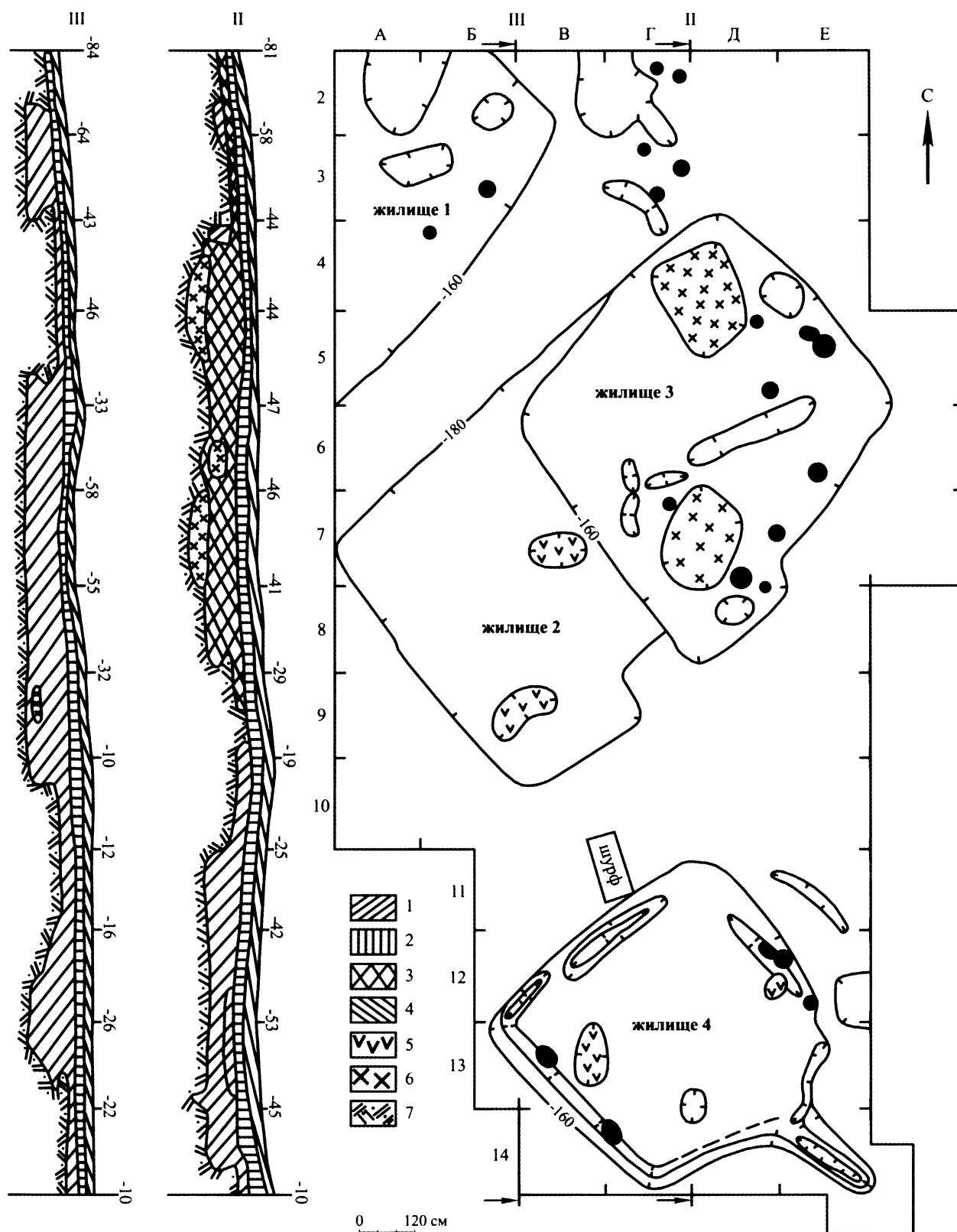

Рис. 9. Поселение ЮАО-XV, раскоп 1. План и профили жилищ.
1 - дери; 2 - светло-серая суньсь; 3 - черная суньсь; 4 - серая суньсь; 5 - провал; 6 - уголь; 7 - материк

боборыкинской культуры (рис. 9). При сооружении последнего была разрушена часть более раннего жилища 2 с керамикой и каменным инвентарем кошкинского типа.

Раскопом 2 на этом же участке исследовалось еще одно жилище (№ 5), в котором собрана керамика боборыкинского типа, аналогичная керамике из жилища 3.

Сооружения, относящиеся к кошкинской группе, находились на расстоянии 2–3 м друг от друга и составляли одно поселение. Все жилища ориентированы углами по сторонам света. Жилища 1 и 2 исследованы частично. Полностью раскопано жилище 4. Все они подпрямоугольные, углублены в материк на 0,5–0,8 м. Жилище 4 имело площадь 38,4 кв. м (6,4 × 6,0 м). С юго-восточной стороны находился коридорообразный выход размерами 2,8 × 0,8 м. На полу зафиксированы два пятна прокала (в западной и восточной частях сооружения), возможно, представляющих остатки очагов. Внутри жилища, по периметру, сохранилась канавка, углубленная в пол на 0,1–0,2 м. В канавке зафиксированы ямки от столбов.

Керамика представлена округлодонными сосудами преимущественно больших размеров, диаметром по венчику от 20 до 40 см; часть сосудов имела диаметр 10–15 см. Сосуды с плоским дном единичны (рис. 10; 11). Венчики округлые, скошенные внутрь, с подтреугольными наплывами с внутренней стороны, а также воротничком — с внешней. Орнамент на посуде выполнен в отступающе-накольчатой (74% всех сосудов) и прочерченной (26%) технике. Для этого комплекса характерны довольно сложные композиции из вертикальных столбиков (рис. 10 – 1, 4), взаимопроникающих треугольных зон (рис. 11 – 4–5). Особый интерес представляет сосуд с изображением деревьев в нормальном и перевернутом виде, при этом стоящая рядом пара деревьев с общими ветвями разделена вертикальными столбиками из двух волнистых параллельных линий, которыми обозначены стволы (рис. 10 – 5).

Итак, раскопками на поселении ЮАО-XV прослежено компактное расположение жилищ кошкинской группы, получены обособленные комплексы как кошкинского (жил. 4), так и боборыкинского типов (жил. 5); при этом зафиксировано перекрытие кошкинского жилища боборыкинским, что являлось еще одним свидетельством о более раннем возрасте древностей кошкинского типа.

Привлекая данные по типологии керамики и каменного инвентаря, сравнивая состав формовочных масс для изготовления посуды кошкинского и боборыкинского типов на поселении ЮАО-XV, исследователи пришли к выводу о генетическом родстве этих культурных образований⁹. К сожалению, В. Т. Ковалева и Н. В. Варанкин, как и Л. Я. Крижевская, акцентировали внимание на признаках сходства, в то время как этнокультурная специфика нередко проявляется через особенное и даже единичное.

Важным шагом в изучении неолита Среднего Зауралья стал вывод о неолитическом возрасте боборыкинской культуры¹⁰. Этому предшествовало исследование многослойного поселения Ташково I на реке Исеть в Курганской области. На этом памятнике боборыкинское жилище было перекрыто мощным слоем с древностями шапкульской культуры, включающими наконечники кельтеминарского типа, каплевидные подвески, медный нож. Для боборыкинского комплекса была получена абсолютная дата — 5490 ± 60 л. н. (ЛЕ-1535), соответственно удревнялись и комплексы кошкинского типа. Этот вывод вызвал сопротивление в среде ведущих археологов.

Подводя итоги 40-летнего изучения каменного века на Урале, Л. Я. Крижевская решительно высказалась за сохранение прежней атрибуции боборыкинской культуры как энеолитической, в пределах III тыс. до н. э.¹¹ Во внимание не были приняты ни стратиграфия, ни абсолютный возраст боборыкинского комплекса, ни даже явно архаичный облик каменного инвентаря, отмеченный еще К. В. Сальниковым.

Значительный вклад в изучение кошкинской культуры внесли тагильские археологи В. А. Арефьев и Ю. Б. Сериков. На ряде известных поселений горно-лесного Зауралья — Кокшаровско-Юрьинской торфяниковой стоянке, Кокшарово VII, Полуденке I и др. — ими были типологически выделены комплексы с прочерченно-накольчатым орнаментом на керамике, близкие кошкинским в Притоболье (рис. 8 – 3–9), высказано мнение о возможности их удревнения¹². При исследовании торфяниковой Кокшаровско-Юрьинской стоянки для керамики кошкинского типа была получена абсолютная дата — 6470 ± 80 л. н. (ЛЕ-2060), то есть середина V тыс. до н. э. Слой, из которого было взято дерево для радиоуглеродного анализа, содержал керамику только кошкинского типа и залегал выше мезолитического¹³.

Для атрибуции памятников кошкинского типа наибольшее значение имели раскопки на поселении Ташково III (Каргапольский р-н Курганской обл.), открытого и исследованного под руководством

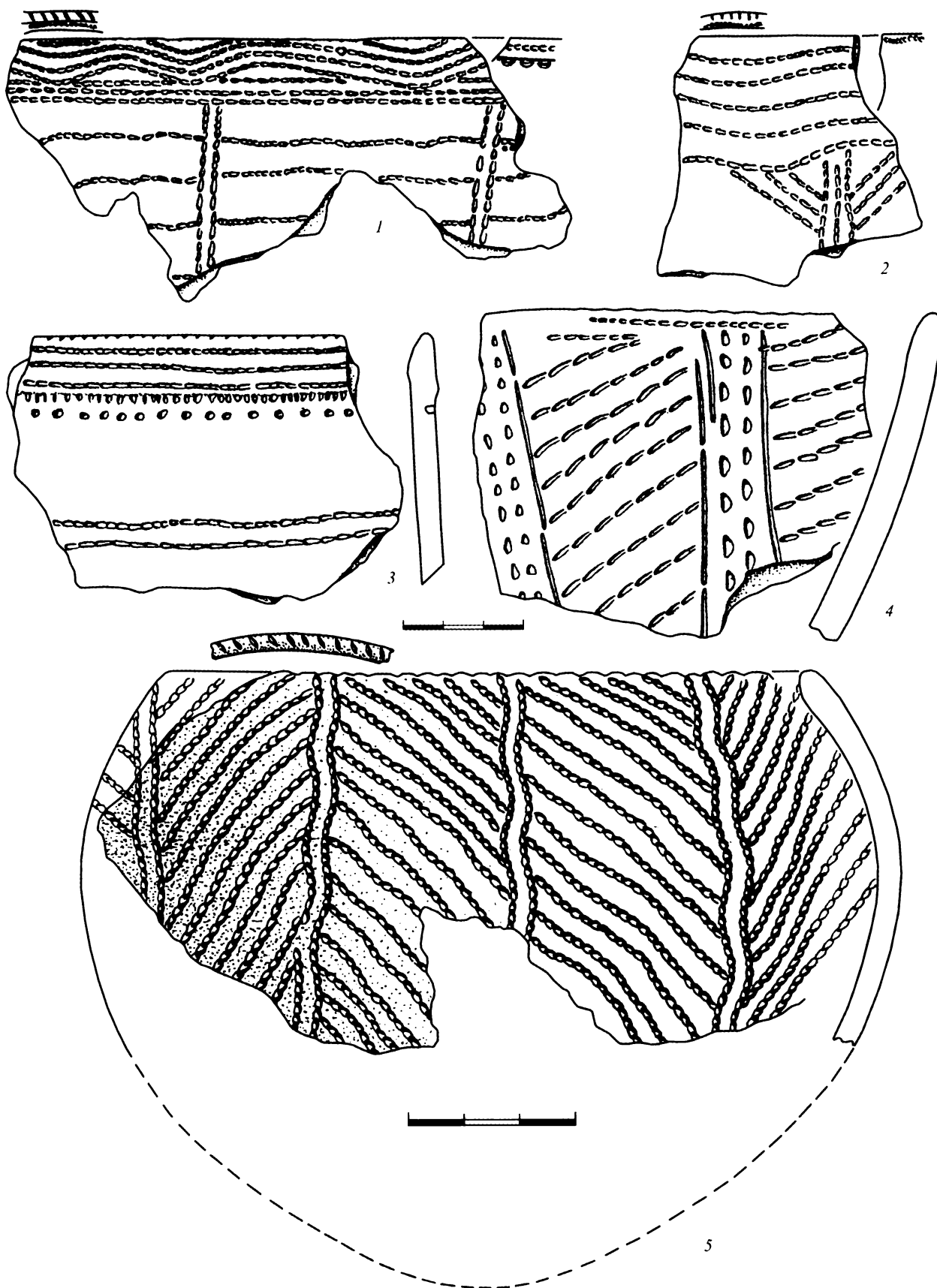

Рис. 10. Поселение ЮАО-XV, раскоп I. Керамика (по В. Т. Ковалевой, Н. В. Варанкину)

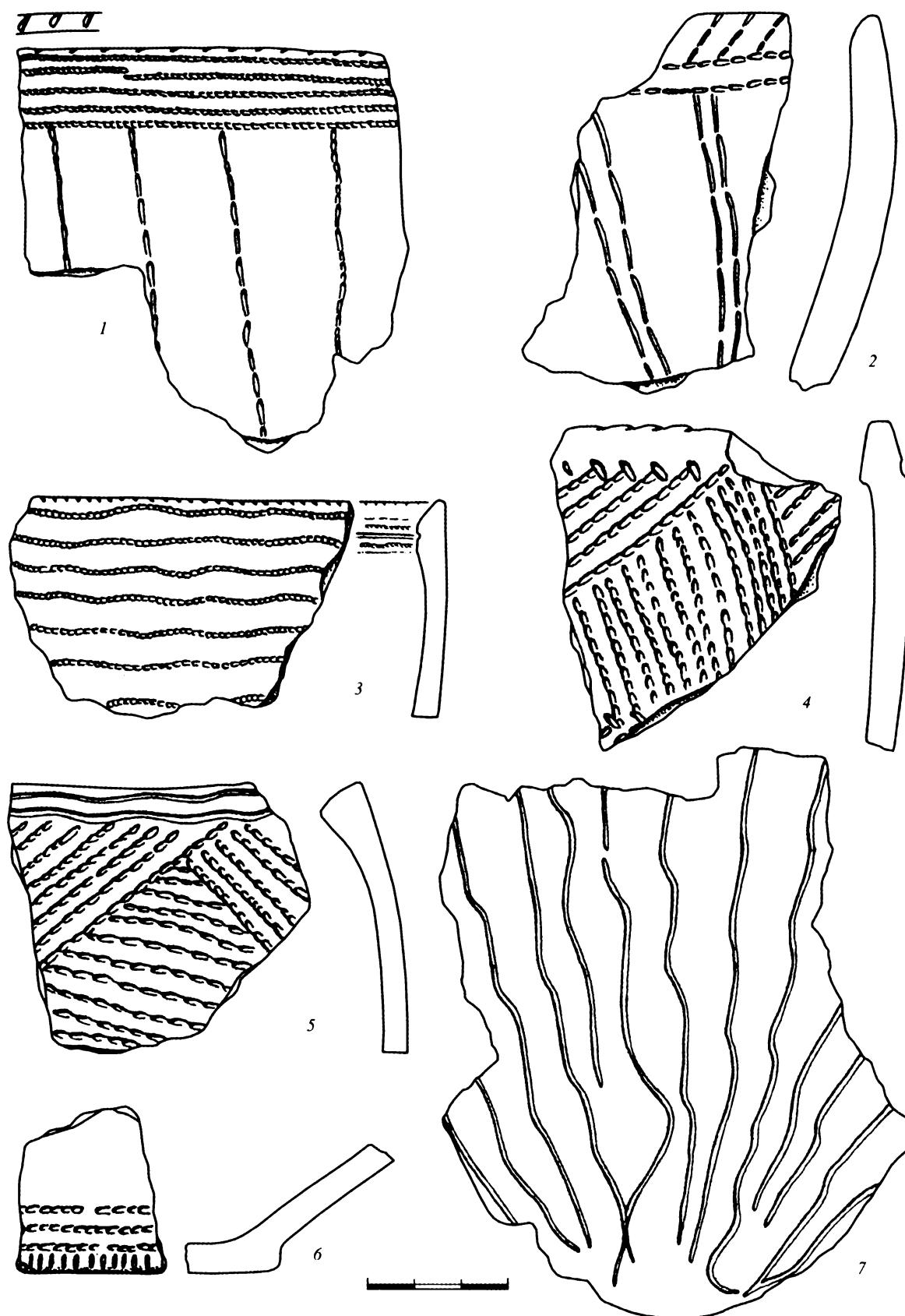

Рис. 11. Поселение ЮАО-ХV, раскоп 1. Керамика (по В. Т. Ковалевой, Н. В. Варанкину)

В. Т. Ковалевой и Н. В. Варанкина в 1987–1988 годах. Поселение занимает возвышенный участок боровой террасы правого берега реки Исеть, в 230 м от современной поймы. Исследовано жилище глубиной до 1,6 м, на дне которого найдены керамика и каменный инвентарь только кошкинского типа (рис. 12–15). По форме сосудов, оформлению венчиков, технике орнаментации, основным мотивам посуда поселения Ташково III практически ничем не отличается от комплексов керамики кошкинского типа с известных поселений Нижнего Притоболья. Однако наличие целых и реконструированных сосудов позволяет привести дополнительную информацию об их форме. Прежде всего, относительно днищ сосудов: они округлые или плоские; при этом обращает на себя внимание отсутствие сосудов с приостренными или коническими днищами, как и сосудов удлиненных пропорций.

Сосуды кошкинского типа в основном приземистые. Их высота на одну четверть или треть меньше диаметра по венчику или наибольшего диаметра по тулову. Следует отметить сосуд с низко опущенным (до 2–3 см) воротничком (рис. 13 – 2).

Большинство сосудов орнаментированы только под венчиком — горизонтальными поясами из прямых и волнистых линий (рис. 13 – 5). Встречаются полностью орнаментированные сосуды (рис. 12 – 9) и сосуды без орнамента (рис. 12 – 1, 5; 13 – 6). В комплексе присутствуют несколько оригинальных и даже уникальных сосудов. Это фрагмент стенки сосуда с объемными антропоморфными личинами. Ямочными углублениями переданы глаза и рот (рис. 14 – 2). На одном сосуде (диаметром по венчику 20 см при максимальном диаметре по тулову 26 см и высоте 18 см) орнаментальная композиция в верхней половине состояла из восьми изображений деревьев, замыкающихся в круг. Сверху она ограничена сдвоенной волнистой линией, а снизу — аналогичным пояском из трех параллельных линий. Стволы обозначены двумя волнистыми параллельными линиями; ветви — в виде наклонных волнистых параллельных линий, в одном случае направленных вниз, а в другом — вверх, при этом ветви левой стороны одного дерева одновременно являются ветвями правой стороны другого. Стволы и ветви, переданные в виде извивающихся струй, ассоциируются с потоками воды или реки. Повторяемостью сюжета в круговой композиции с чередованием деревьев с ветвями вниз и вверх может быть передана идея круговорота жизни, периодичности природных циклов и т. д.

Форма сосуда и композиция орнамента реконструированы по сохранившимся фрагментам А. В. Осинцевым¹⁴. На другом сосуде, диаметром 17 см, от горизонтального пояса у венчика сверху вниз опускаются вертикальные столбики из двух параллельных линий, которые, по-видимому, сходились на дне округлодонного сосуда (дно не сохранилось) (рис. 15 – 2). От них в верхней половине сосуда по обе стороны отходят наклонные линии, соединяющиеся с горизонтальным поясом у венчика. В этом сюжете легко угадываются довольно реалистичные изображения деревьев со стволами и треугольной кроной. Всего деревьев шесть. Два рядом стоящих дерева отличаются тем, что одно из них имеет по семь ветвей с двух сторон и семь ямочных вдавлений внутри ствола, а другое — семь ветвей с правой стороны и восемь с левой; внутри этого ствола находятся восемь ямочных вдавлений. Интерпретация этих сюжетов дана в статье В. Т. Ковалевой и А. В. Осинцева¹⁴. Сохранился целый сосуд с орнаментом из узкого горизонтального пояса под венчиком, от которого через равные промежутки сверху вниз спускаются наклонные (слева направо) короткие отрезки из сдвоенных прямых линий, вероятно, передающих потоки воды (рис. 13 – 4).

Абсолютная дата, полученная из очажного слоя кошкинского жилища поселения Ташково III — 6380 ± 120 л. н. (ЛЕ–4344). Жилище было перекрыто слоем, содержащим керамику боборыкинского типа. Раннеэнеолитический возраст древностей кошкинского типа был подтвержден также абсолютной датой из жилищного комплекса поселения Исток IV — 6620 ± 260 л. н. (ЛЕ–2998)¹⁵.

Таким образом, к концу 1980-х годов было исследовано раскопками более 20 памятников с древностями кошкинского типа. Анализ керамики этого типа позволяет выделить признаки, имеющие стадиальный характер:

- закрытые и прямостенные остродонные или округлодонные сосуды с линейно-волнистым орнаментом, выполненным в прочерченно-накольчатой технике.

К этнокультурным признакам следует отнести:

- наличие сосудов с плоским дном;

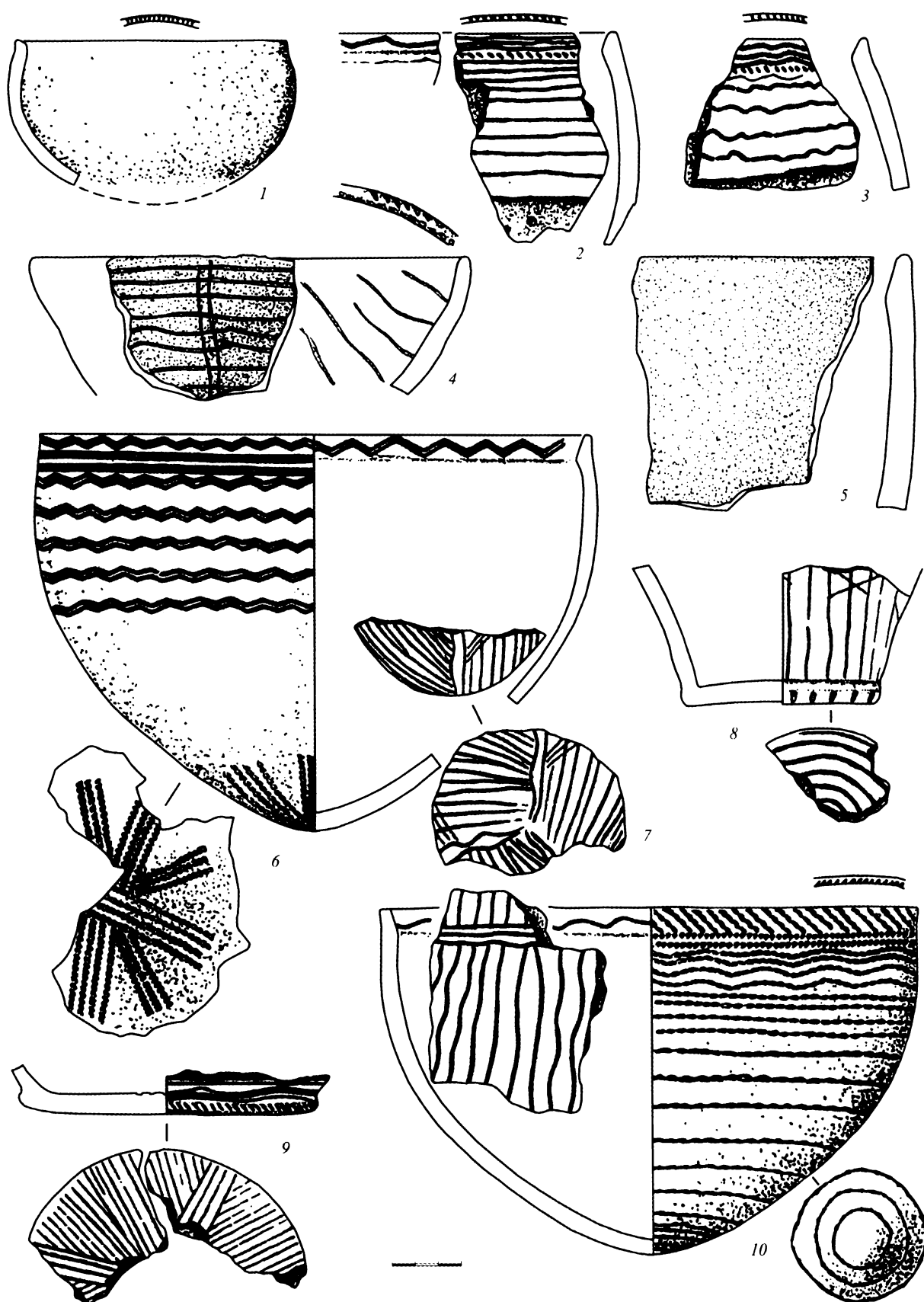

Рис. 12. Поселение Ташково III. Керамика кошкинского типа

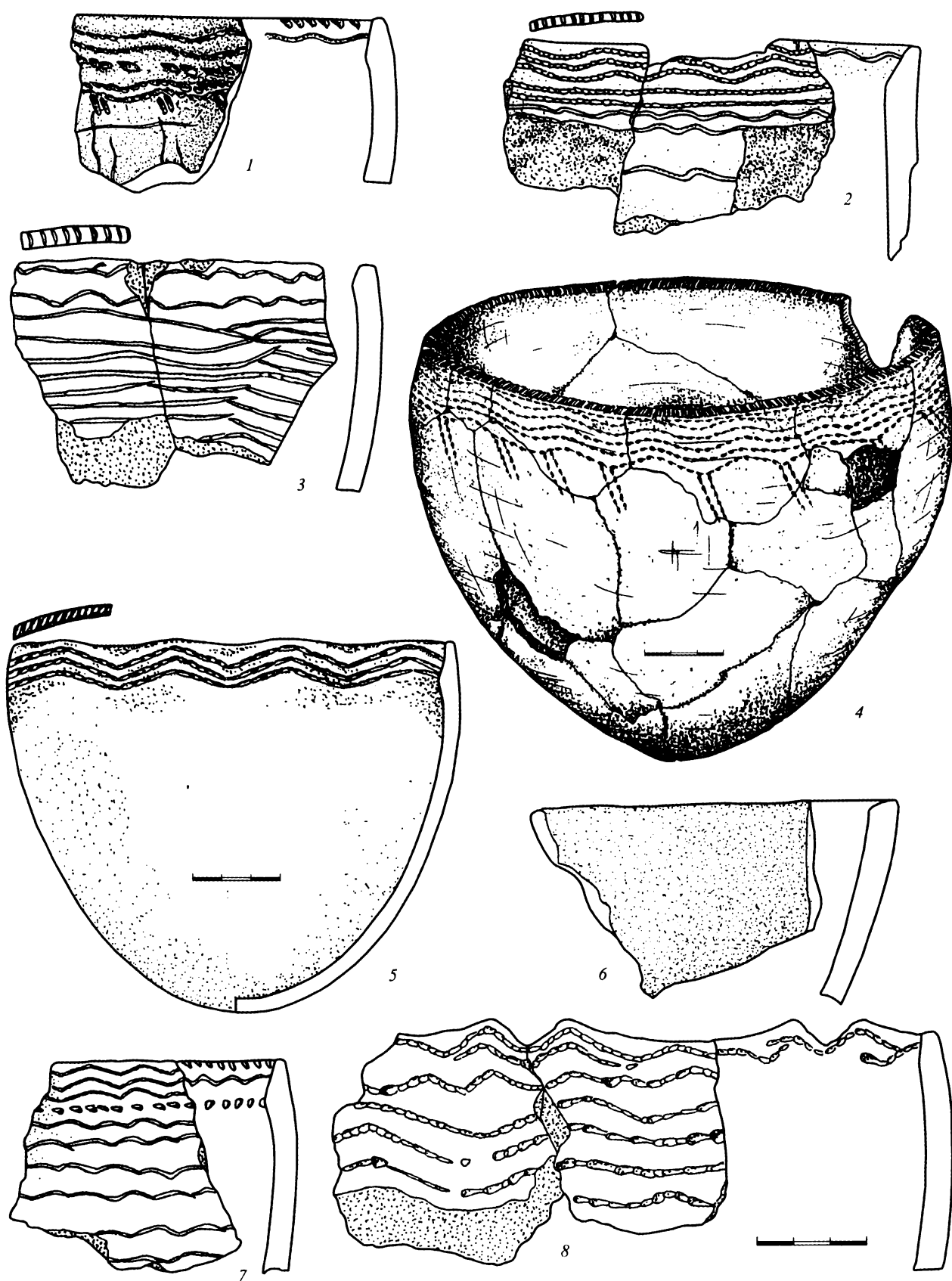

Рис. 13. Поселение Ташково III. Керамика кошкинского типа

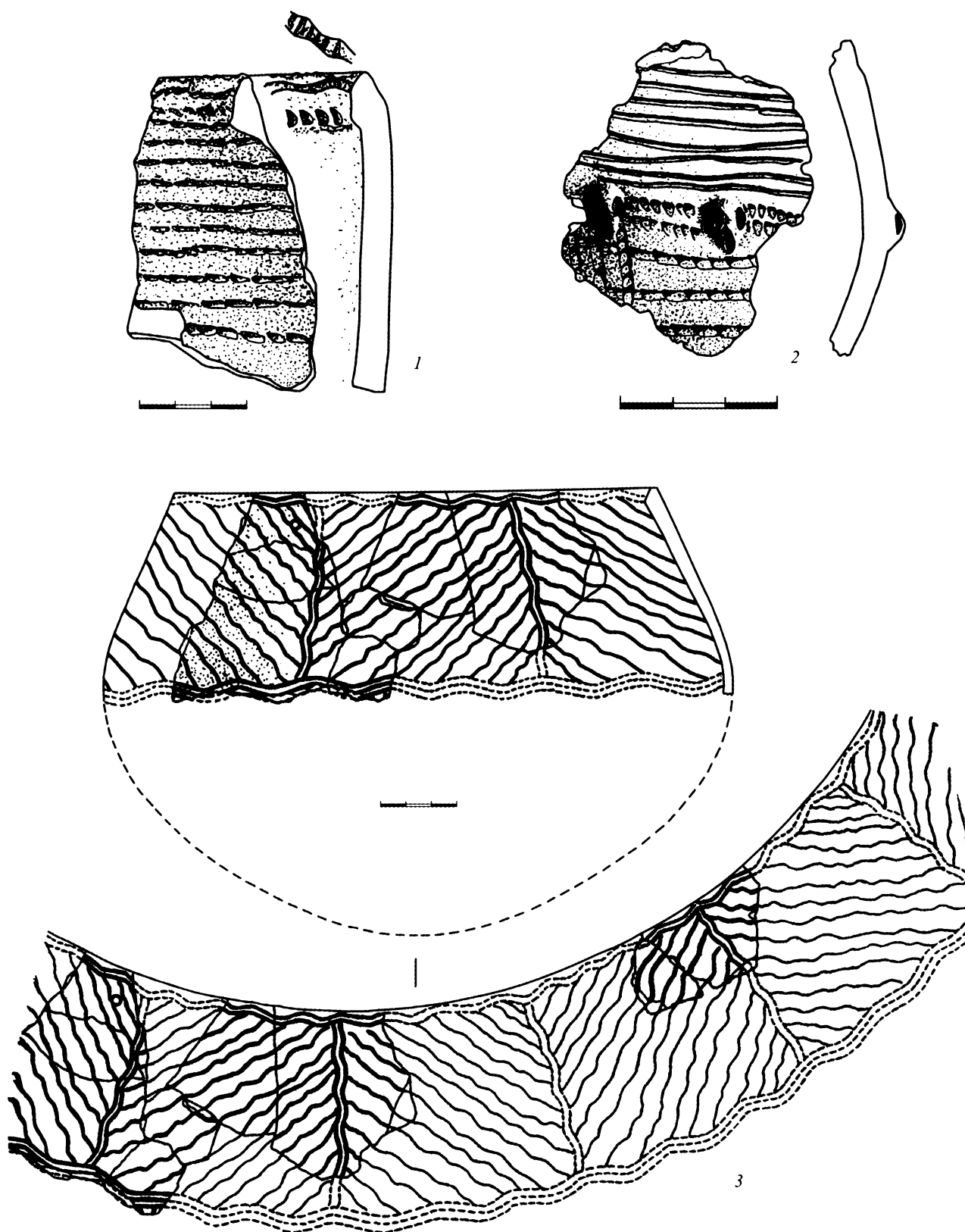

Рис. 14. Поселение Ташково III. Керамика кошкинского типа

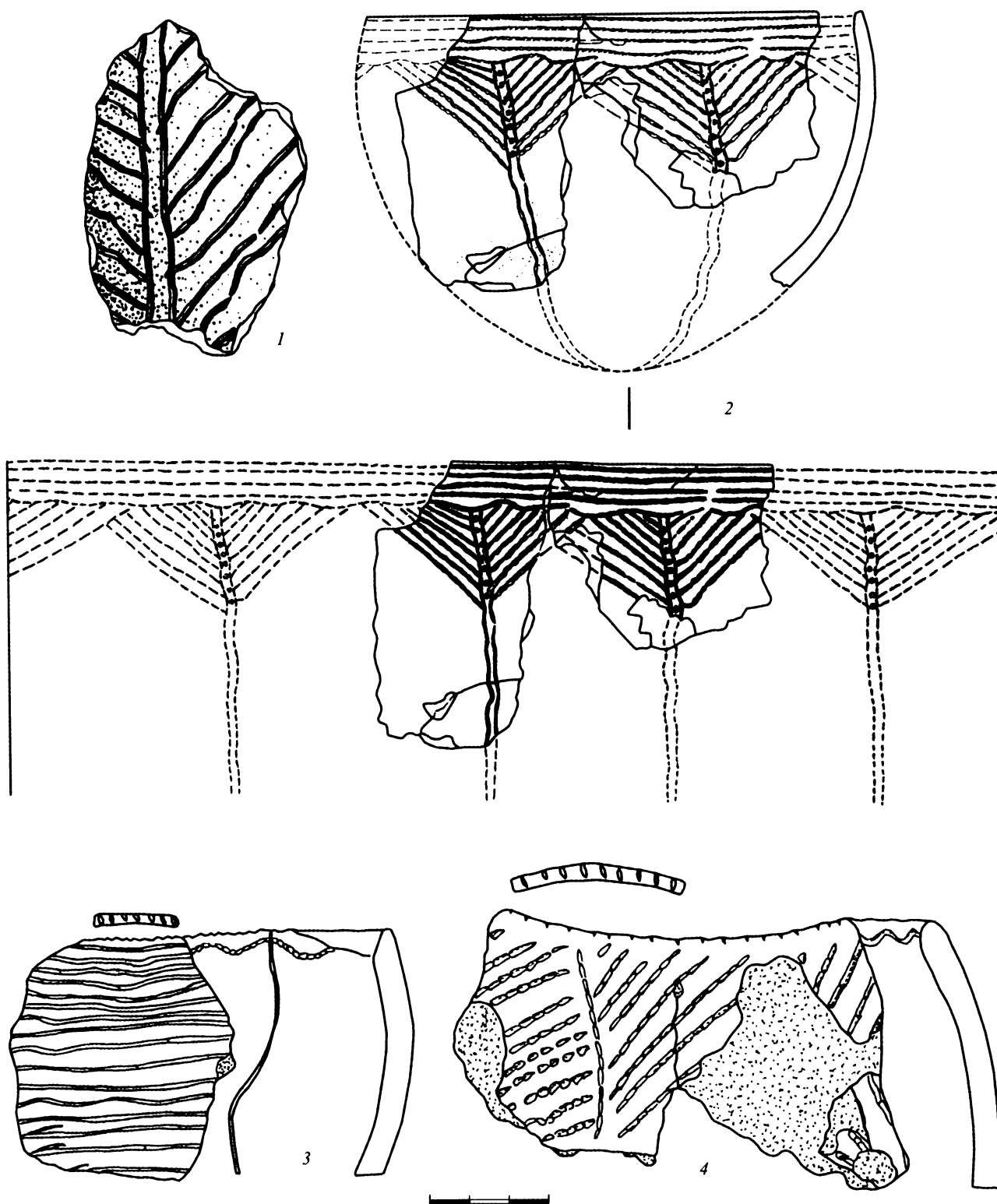

Рис. 15. Поселение Ташково III. Керамика кошкинского типа

- разнообразную форму венчиков, в том числе: с воротничком или карнизом как с внешней, так и с внутренней стороны;
- частичную орнаментацию внешней поверхности; при сплошной орнаментации узор в большинстве случаев разрежен;
- наличие сосудов без орнамента или с одним пояском из волнистых и прямых линий по верхнему краю;
- сочетание горизонтальной и вертикальной зональности;
- орнаментацию внутренней поверхности, иногда спускающуюся до дна.

Облик каменного инвентаря на поселениях не менее архаичен, чем керамика. Характерны пластинчатая индустрия, ограниченное использование ретуши — по одной, реже двум граням; значительное количество в комплексах медиальных частей пластин, ранних типов орудий, единично — трапеций¹⁶.

Опираясь, прежде всего, на типологические характеристики комплексов, В. Т. Ковалева объединила памятники кошкинского типа в самостоятельную культуру раннего неолита Зауралья, которая сосуществовала с козловской с середины – второй половины V тыс. до н. э. В отношении генезиса кошкинской культуры высказывалось предположение о формировании ее на основе местного мезолита при инфильтрации населения южных культур типа Джангар¹⁷.

В обобщающей работе по неолиту Среднего Зауралья В. Т. Ковалева предложила двухстадийную схему развития неолитических культур с двумя линиями развития: аборигенной, представленной козловской и полуденской культурами, и мигрировавшей, представленной кошкинской и боборыкинской культурами. Основу этой концепции составляет идея о параллельном развитии разнокультурных и разноэтнических традиций, отражающих сложность этнических, исторических и миграционных процессов¹⁸. Представление о единой «восточноуральской культуре» для неолита Среднего Зауралья стало неприемлемым, поскольку под этим названием подразумевались не только единая территория, но и этнокультурное и даже языковое единство.

Выделение самостоятельных культур для раннего и позднего этапов в большей степени соответствует археологическим реалиям. Значительное место в новой концепции уделялось миграциям. Приток нового населения в Зауралье происходил, по всей вероятности, из районов Северного Прикаспия. Эта схема в настоящее время принята большинством исследователей, но не всеми. Оппонентами этой концепции выступают в основном тюменские археологи. В конце 1980-х годов В. А. Зах высказал мнение о формировании кошкинской культуры в результате взаимодействия пришлого (боборыкинская культура) и местного зауральского (полуденская культура) населения¹⁹. Позднее В. А. Зах пришел к заключению о формировании в раннем неолите Зауралья общности с гребенчатой орнаментальной традицией — сосновоостровской. Затем, в результате миграции с юга населения с прочерченно-накольчатой орнаментальной традицией, сформировалась боборыкинская культура. Кошкинская культура, как и полуденская, формируется, по В. А. Заху, при взаимодействии сосновоостровской и боборыкинской культур²⁰.

Наряду с переходящим из публикации в публикацию и создающим впечатление доказанной гипотезы мнением о хронологическом приоритете древностей боборыкинского типа по отношению к кошкинским, козловским и полуденским, В. А. Зах пришел к заключению о несоответствии схемы развития зауральского неолита вновь накопленным фактам. Эта схема, по мнению автора, «не дает ответа на вопрос о соотношении прочерченно-отступающих и гребенчатых, отступающе-прочерченных и гребенчато-ямочных комплексов»²¹.

Вопрос о соотношении названных орнаментальных традиций В. А. Зах считает ключевым для понимания генезиса западносибирского (Приишимье) неолита. Совершенно очевидна мнимость значимости этой проблемы. Во-первых, гребенчато-ямочная орнаментальная традиция (по М. Ф. Косареву) формируется в Тоболо-Иртышском междуречье в конце неолита – энеолите и продолжается в раннем бронзовом веке²². На территории Среднего Зауралья комплексы керамики с этой орнаментальной традицией отсутствуют. Поселения с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики (андреевская культура) относятся к энеолиту Нижнего Притоболья и не имеют генетических корней в неолите Зауралья и Западной Сибири. Памятники

андреевского типа появились в результате миграции населения из лесной зоны Восточной Европы²³. Эта точка зрения находит поддержку среди авторитетных исследователей²⁴.

Во-вторых, утверждение о формировании в Среднем Зауралье гребенчатой (сосновоостровской, по В. А. Заху) традиции раньше или одновременно с боборыкинской (прочерченно-отступающей) не имеет серьезных оснований. Автор связывает зарождение гончарства в Зауралье с миграцией населения из юго-западных районов, в частности, населения боборыкинской культуры²⁵. В этой ситуации непонятно, каким образом сформировалась гребенчатая традиция. В культурах южного неолита она появляется довольно поздно. В. А. Зах приводит абсолютные даты (без лабораторных индексов) для зауральских комплексов с гребенчатой (9140 ± 60 л. н.) и прочерченно-отступающей (7701 ± 120 л. н.) орнаментальными традициями, которые не вызывают большого доверия, поскольку являются более ранними, чем самые древние керамические комплексы степных и лесостепных регионов Восточной Европы²⁶.

Для подтверждения изначальности гребенчатых комплексов в Зауралье В. А. Зах приводит данные стратиграфии многослойного поселения «VIII пункт» на Андреевском озере. Один из авторов раскопок И. В. Усачева выделила четыре основных стратиграфических и хронологических комплекса на этом памятнике: самый ранний — полуденский, который она называет и сумпаньинским; выше залегал слой с керамикой сосновоостровского типа (II комплекс), который был перекрыт боборыкинским (III комплекс). К позднему, IV комплексу И. В. Усачева отнесла керамику как раннего облика, так и более позднюю и назвала его полуденским раннеэнеолитическим. В то же время И. В. Усачева отметила отсутствие каких-либо свидетельств раннеэнеолитического возраста боборыкинского комплекса, а залегание его выше полуденского и сосновоостровского как раз и соответствует общему представлению о стадиях зауральского неолита²⁷.

У некоторых археологов сложилось мнение о том, что кошкинская керамика всегда встречается в составе боборыкинских комплексов, тогда как на многих поселениях, в том числе Ташково I, «VIII пункт», Ук VI, Пикушка I, Усть-Суерка 4, Юргаркуль IV и др., она отсутствует. Новые открытия в Курганской области (раскопки 1999 г. С. Н. Шиловым поселения Пикушка I) позволили получить исключительно «чистый» боборыкинский комплекс²⁸.

Свою «концепцию» неолита Среднего Зауралья предлагает Е. Н. Волков. По его мнению, выделение в рамках раннего неолита двух культур — козловской и кошкинской — «не решает многих вопросов». Он отмечает отсутствие стратиграфических свидетельств, указывающих на синхронное бытование козловских и кошкинских объектов. Следует заметить, что такие свидетельства есть — на Кокшаровском холме эти типы керамики залегают на одном уровне. Кроме того, подобных стратиграфических свидетельств могло и не быть, поскольку речь идет о параллельных линиях развития. В заключение своих размышлений автор резюмирует: «Вероятно, членение неолита на две фазы — раннюю и позднюю — сохранится. К первой будут отнесены памятники козловской культуры, вторая включит кошкинские, боборыкинские, полуденские и сосновоостровские»³⁰.

Е. Н. Волков не разъясняет, какая же из проблем зауральского неолита будет решена «включением» без всяких на то оснований древностей кошкинского типа в позднюю фазу.

Обратим внимание, что раскопки на Кокшаровском холме (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.) под руководством А. Ф. Шорина еще раз подтвердили вывод В. Т. Ковалевой о раннем возрасте кошкинских древностей. В разных горизонтах холма залегают практически все известные типы неолитической керамики, при этом в основании памятника — керамика кошкинского, козловского и боборыкинского типов. Все комплексы с гребенчатой орнаментацией располагаются выше. Предварительный вывод, предложенный А. Ф. Шориным по раскопкам 1995 года: на раннем этапе неолита кошкинский тип керамики сосуществовал с козловским (кокшаровско-юринским, по А. Ф. Шорину) и боборыкинским. В более поздних горизонтах керамика кошкинского типа не встречена²⁹.

Наиболее значительным событием в изучении кошкинской культуры в 90-е годы XX столетия стали раскопки на поселении ЮАО-ХIII, расположенном на самом краю ровной, несколько наклоненной в сторону озера площадке боровой террасы, возвышающейся на 4,0–4,5 м относительно современного уровня воды. Исследования проводились в 1990–1995 годах под руководством О. В. Рыжковой. Основным

объектом исследования было поселение с кольцевой планировкой ташковской культуры бронзового века. В ходе раскопок были обнаружены напластования, относящиеся к неолиту и энеолиту, которые были зафиксированы в северной части поселения. В связи с исключительно интересным материалом, относящимся к кошkinsкой и андреевской культурам, раскоп был продолжен за пределами кольца домов на участке, непосредственно примыкающем к озеру. Культурный слой, связанный с поселением ташковской культуры, перекрывал более ранние напластования, которые были выделены в отдельный памятник — ЮАО-ХІІІ-А.

На поселении не удалось зафиксировать каких-либо сооружений, связанных с находками кошkinsкой культуры, однако выделить материал, относящийся к ней, не составило какого-либо труда, поскольку древности ташковского, андреевского и кошkinsкого типа несопоставимы по основным признакам.

Выделено более 100 сосудов кошkinsкого типа, которые, с одной стороны, дают богатейший фактический материал, свидетельствующий о гомогенности орнаментальной традиции населения кошkinsкой культуры, а с другой — позволяют увидеть разнообразное проявление этой традиции.

Форма большей части сосудов типична для кошkinsких комплексов (рис. 16 – 1; 17 – 5; 18 – 2). Днища в большинстве своем округлые, но встречаются и плоские (рис. 20). Кроме того, на поселении найдены открытые или закрытые чаши (рис. 16 – 3; 19 – 4–5). Не будем описывать все формы венчиков: они представлены на рисунках 16–17; 21–24. У ряда сосудов край венчика волнистый, с выступами и в виде арки (рис. 21; 22 – 3, 5). Орнамент выполнен в технике отступающей палочки или прочерчиванием инструментом с округлым, заостренным или плоским (типа лопаточки) рабочим краем. Достаточно редко встречаются сосуды с орнаментом, выполненным палочкой с расщепленным концом (рис. 22 – 4). Узор чаще всего расположен в верхней половине сосудов, но нередки и сосуды с орнаментом по всей внешней поверхности (рис. 17 – 5; 18 – 2; 19 – 1, 5). Значительная часть сосудов на поселении — без орнамента или с узким пояском из прямых и волнистых линий (рис. 25; 26). У нескольких сосудов орнамент нанесен по всей внутренней поверхности. На одном из них сразу под венчиком расположен пояс из четырех волнистых линий, от которого через равные расстояния опущены четыре вертикальные зоны из трех параллельных волнистых линий, сходящихся у дна (рис. 16 – 5). У двух чаш внутренняя поверхность декорирована вертикальными отрезками (рис. 19 – 1, 5). Следует отметить группировку насечек, а также прямых коротких линий по срезу венчика или на стенках сосудов — по три, четыре, шесть (рис. 23).

На поселении найдено несколько фрагментов от сосудов, по форме, примесам, оформлению венчика и технике нанесения орнамента — типично кошkinsких, но по композиции — сопоставимых с керамикой козловской культуры (рис. 27), что может свидетельствовать о контактах и взаимодействии населения этих культур.

Отметим еще одну интересную находку, обнаруженную вместе с керамикой кошkinsкого типа, — головку из глины с прямым выступающим носом; глаза и рот показаны ямочными наколами. На затылочной стороне тоже нанесены неглубокие ямочные наколы, возможно, обозначающие головной убор (рис. 19 – 2).

Публикуемая нами керамика, надеемся, снимет вопрос об отсутствии диагностических признаков для керамики кошkinsкого типа, как и проблему типологической нерасчлененности неолитической керамики Среднего Зауралья.

В последние годы появились работы, в которых авторы выделяют «кошkinsко-боборыкинские» древности или керамику «боборыкинско-кошkinsкого» типа³¹. Т. Н. Соболенкова зафиксировала совместное залегание керамики кошkinsкого и боборыкинского типов в заполнении жилища на поселении Канда в бассейне реки Конды, что послужило основанием для вывода о появлении новых (гибридных) вариантов кошkinsко-боборыкинских древностей³². И. Г. Глушковым выделена полуденско-кошkinsкая группа, которая появилась в результате взаимодействия орнаментальных традиций пришлого боборыкинского населения и населения полуденской культуры³³.

Постановка проблемы типологической нерасчлененности керамики кошkinsкого, боборыкинского и полуденского типов более чем некорректна, а совместное их залегание на многослойных памятниках или за пределами основного ареала вполне объяснимо. Смешение орнаментальных традиций основных зауральских культур за пределами Среднего Зауралья отражает процесс расселения,

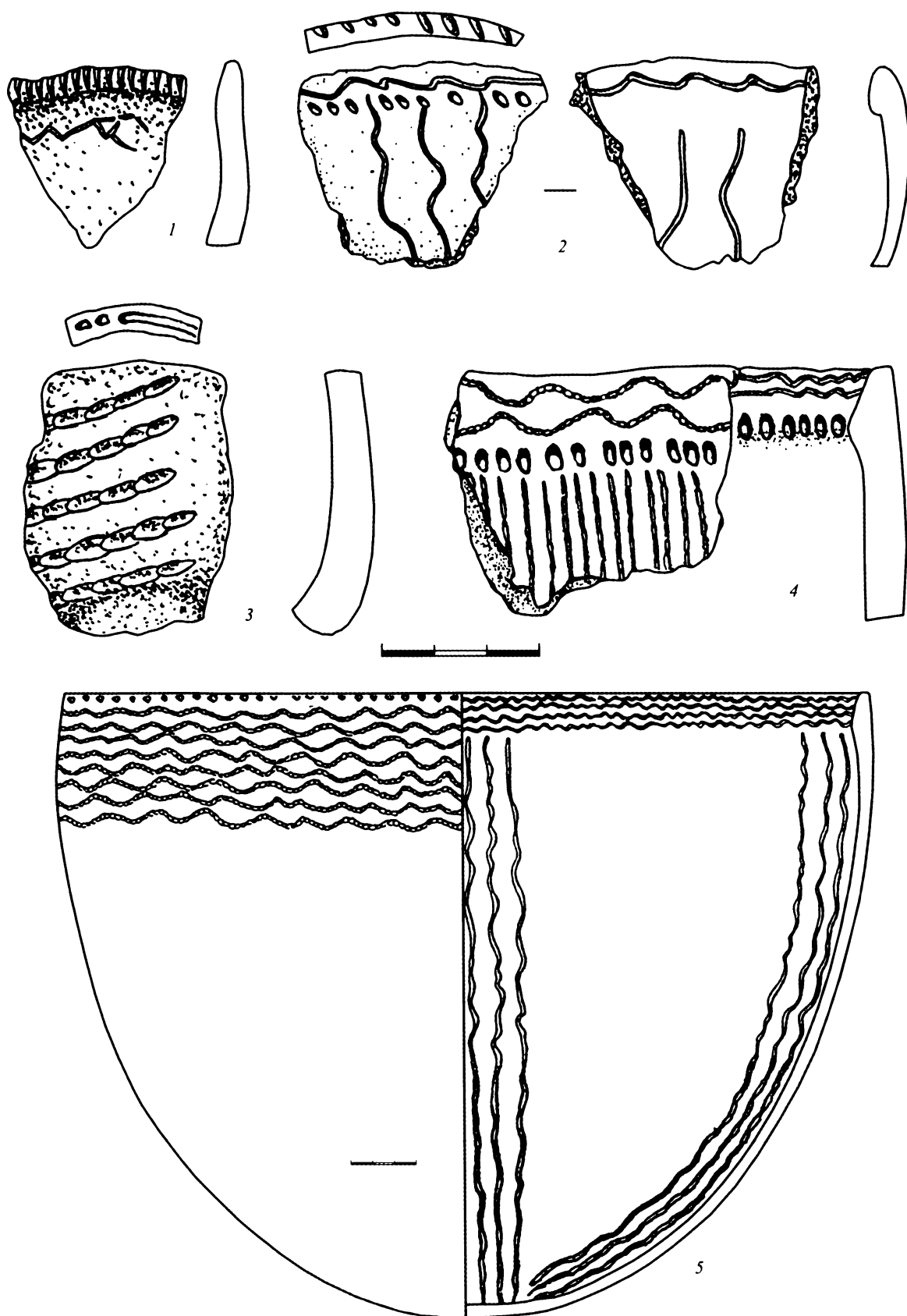

Рис. 16. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

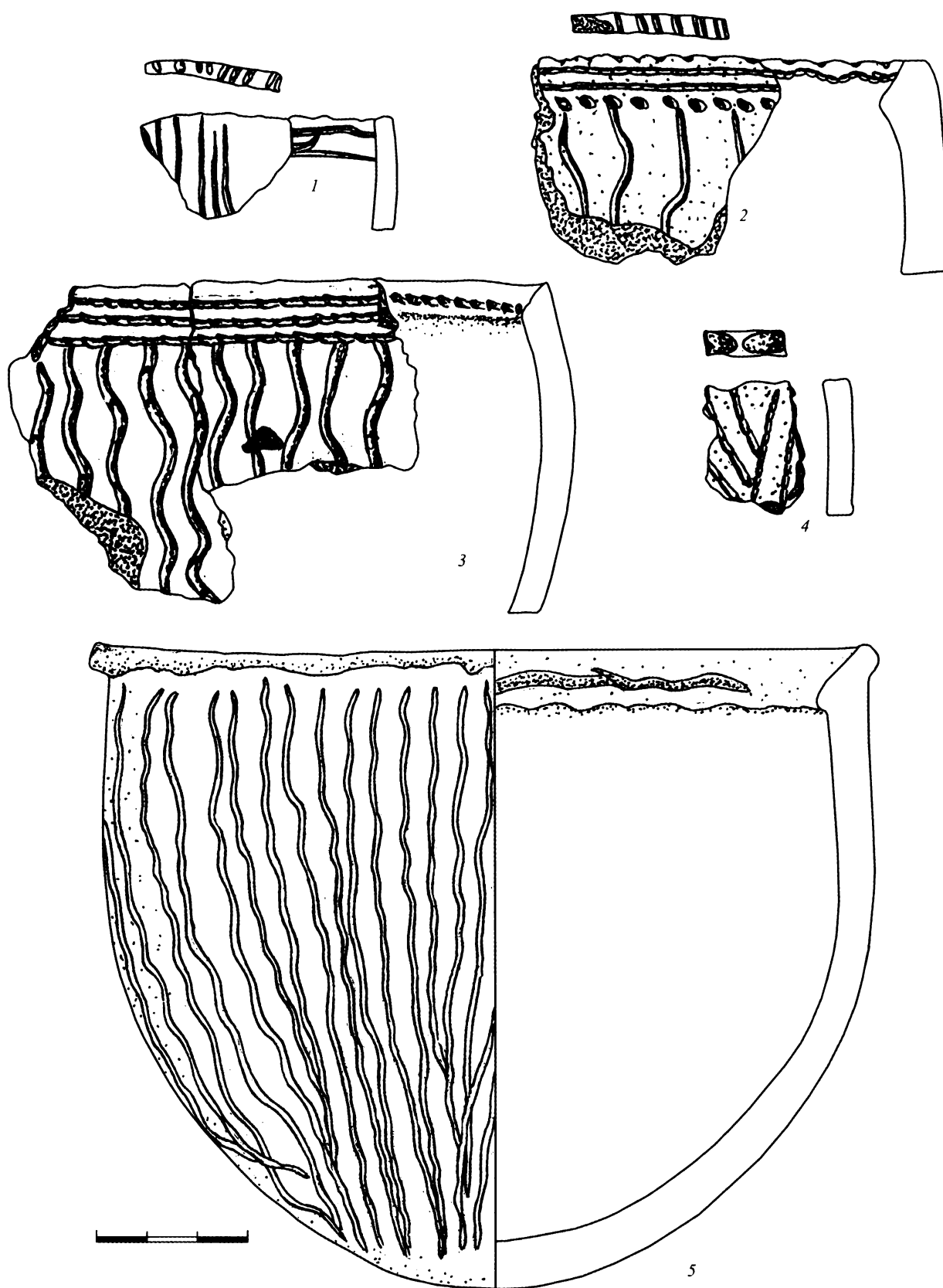

Рис. 17. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

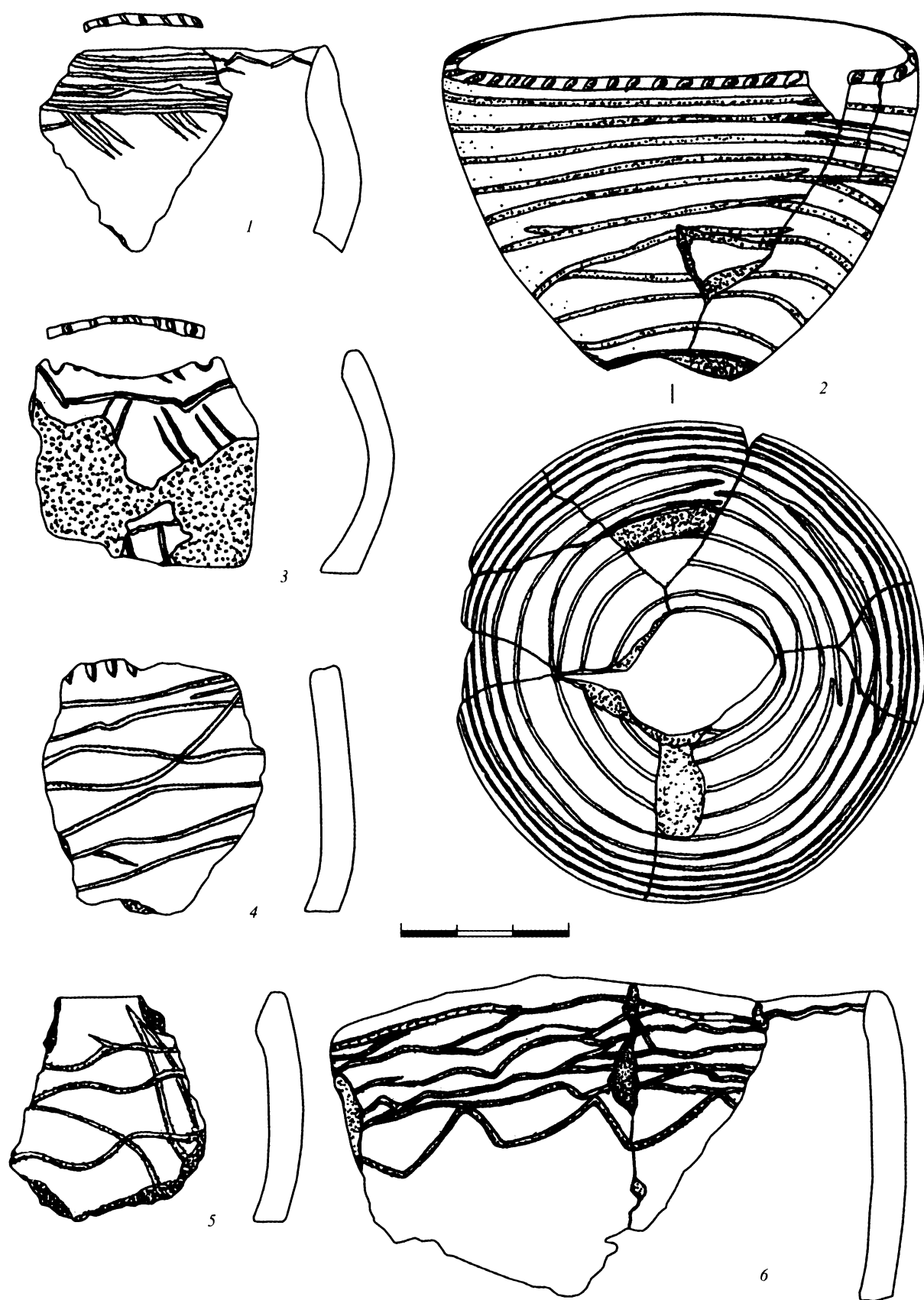

Рис. 18. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

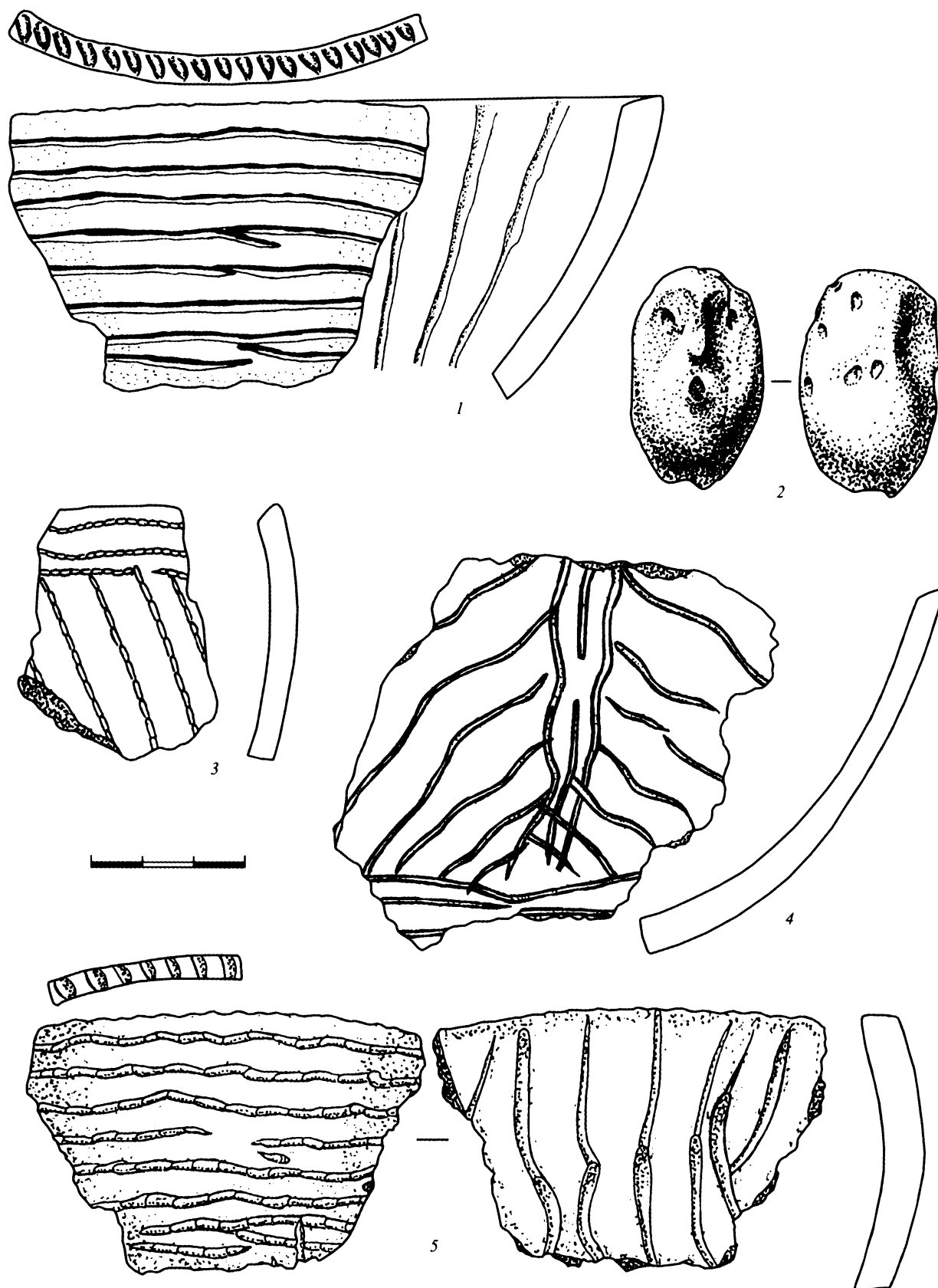

Рис. 19. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. 1, 3–5 – керамика; 2 – глиняная антропоморфная скульптура

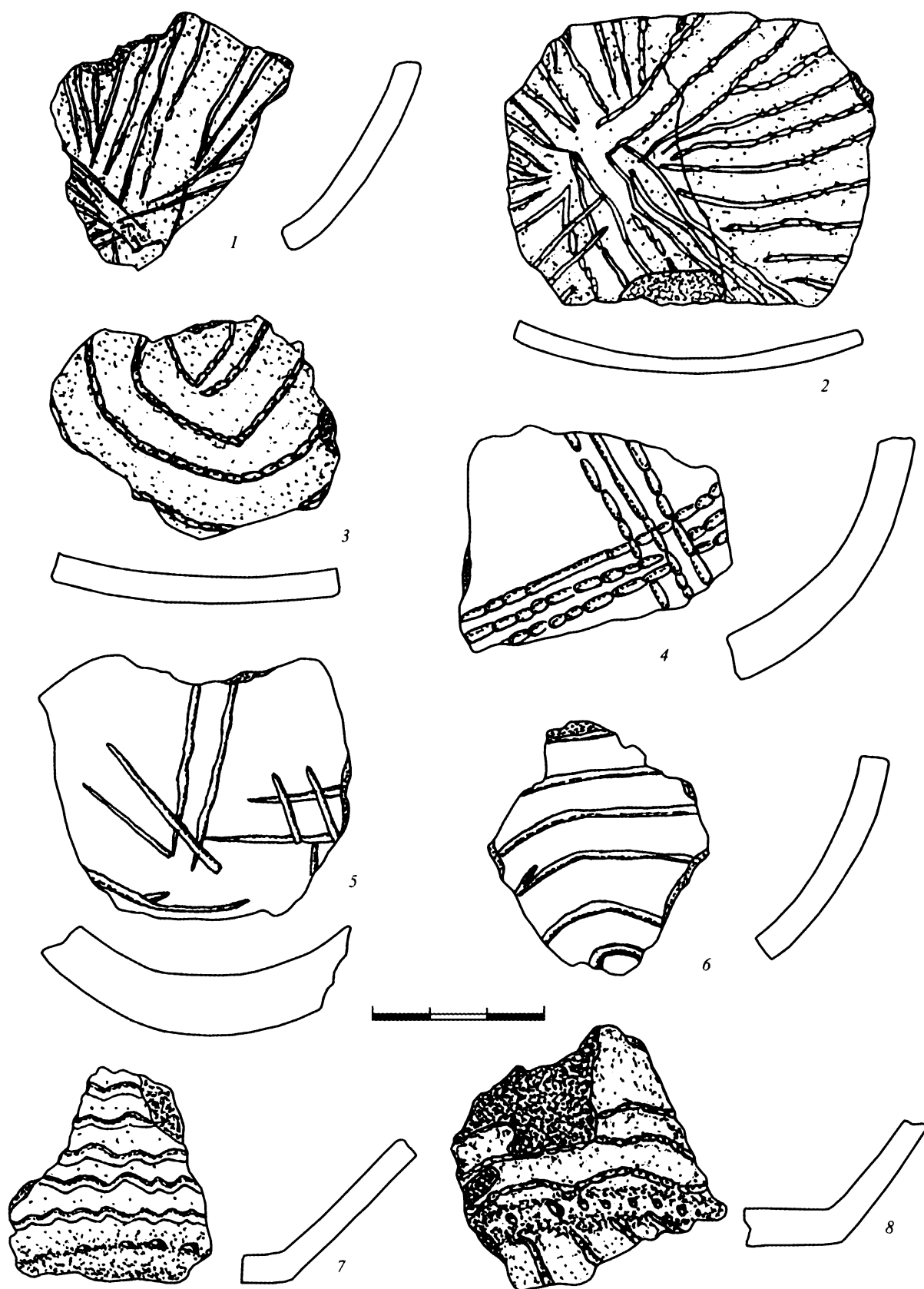

Рис. 20. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

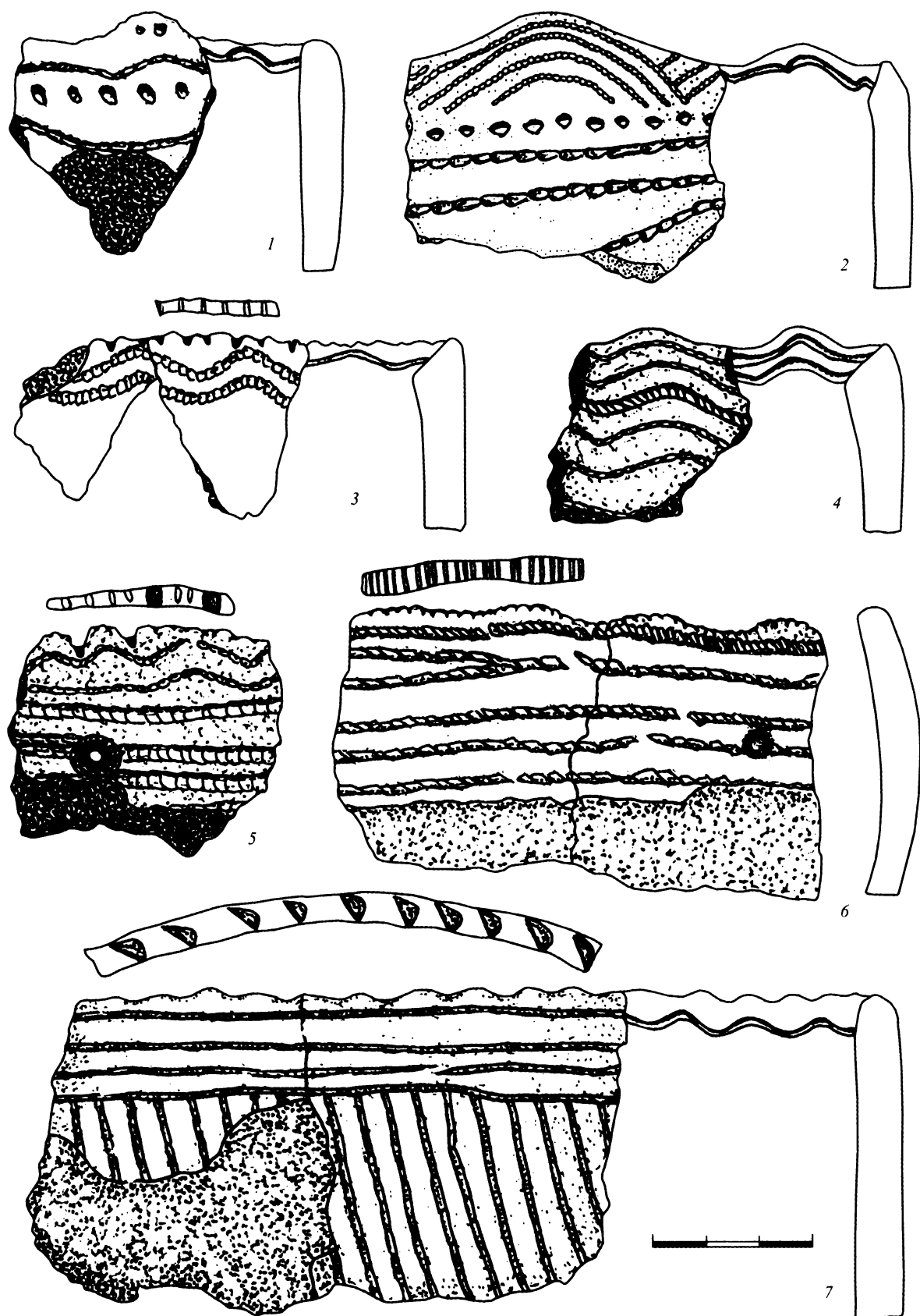

Рис. 21. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

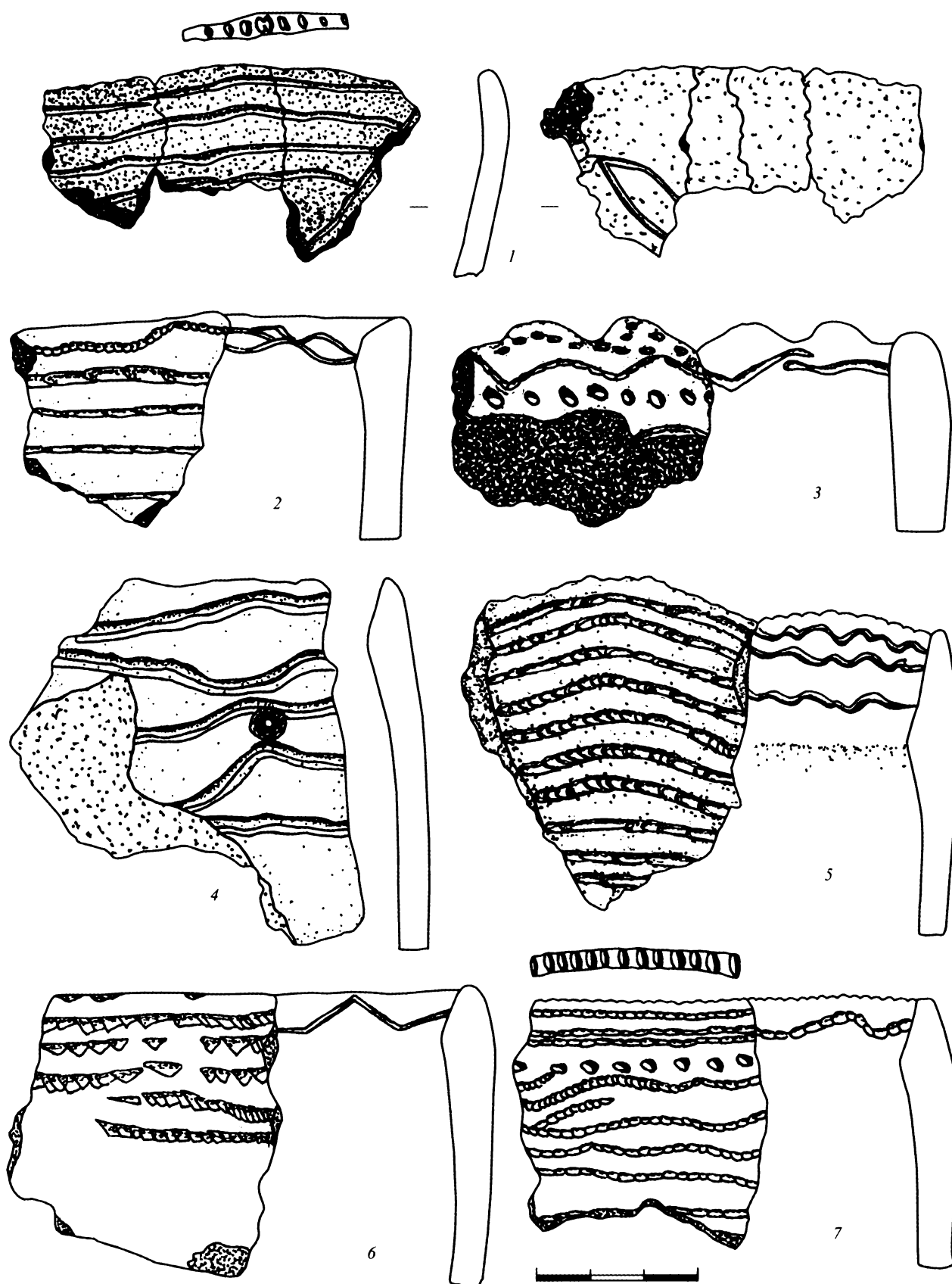

Рис. 22. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

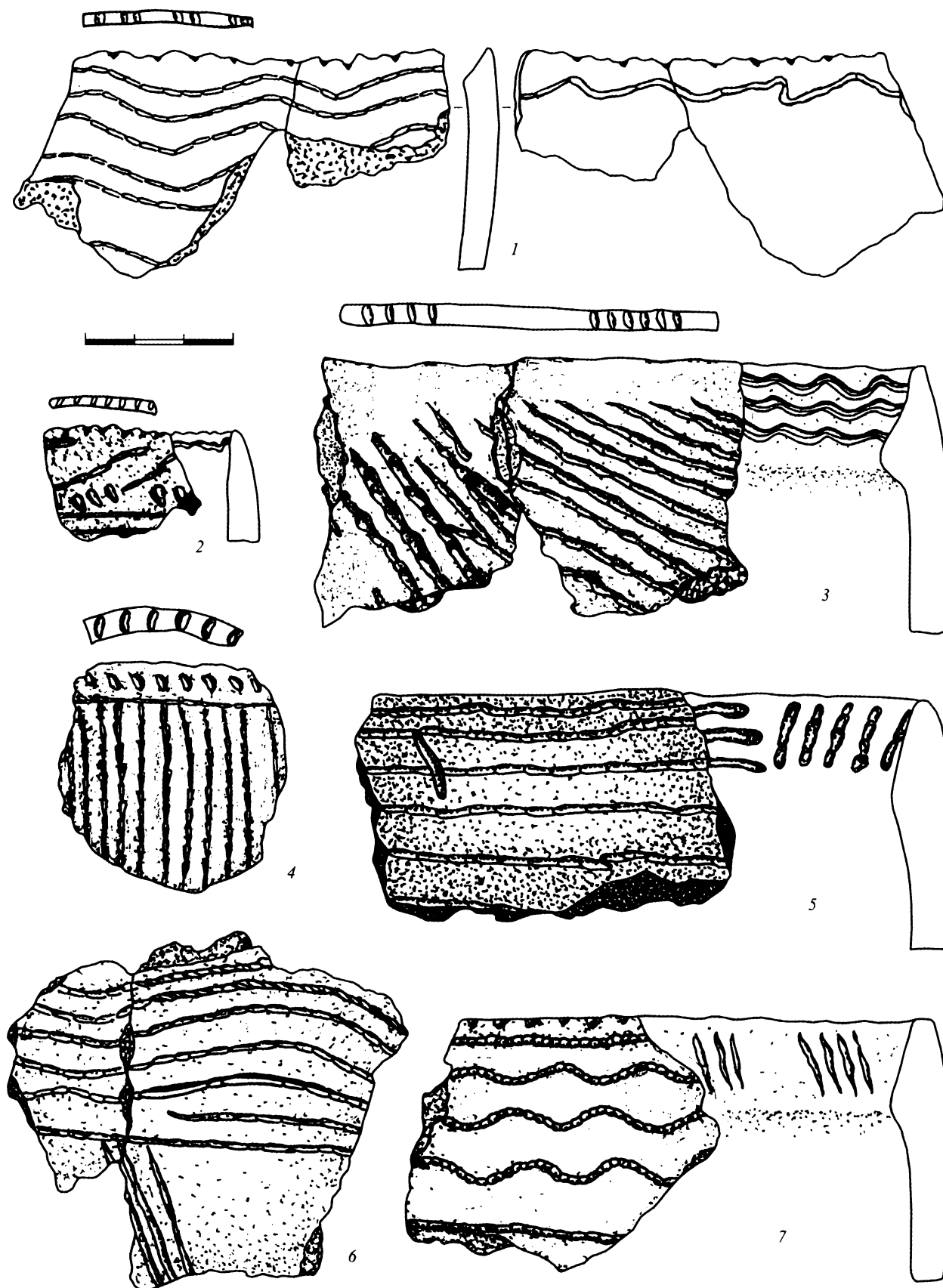

Рис. 23. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

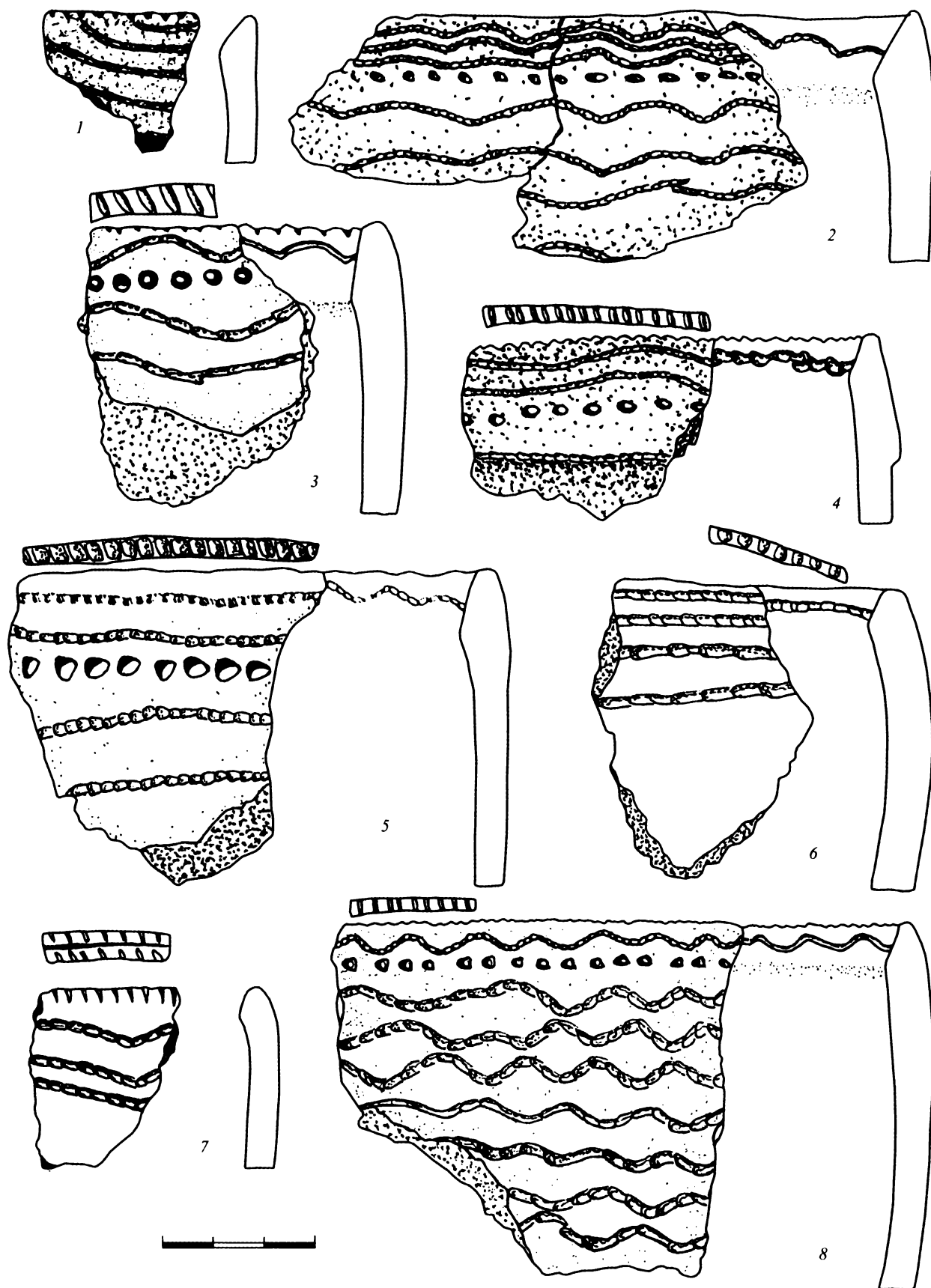

Рис. 24. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

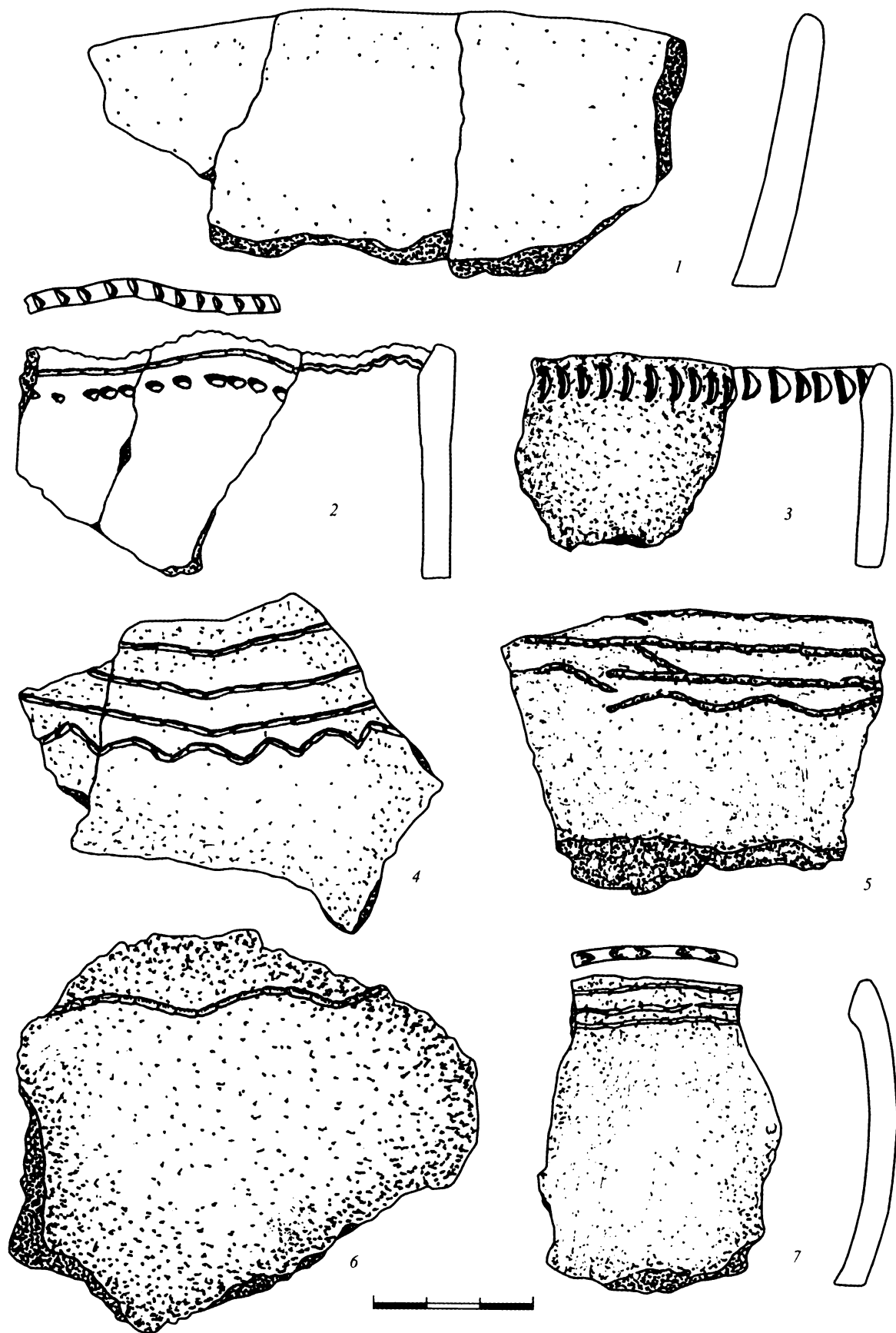

Рис. 25. Поселение ЮАО-ХIII-А. Керамика

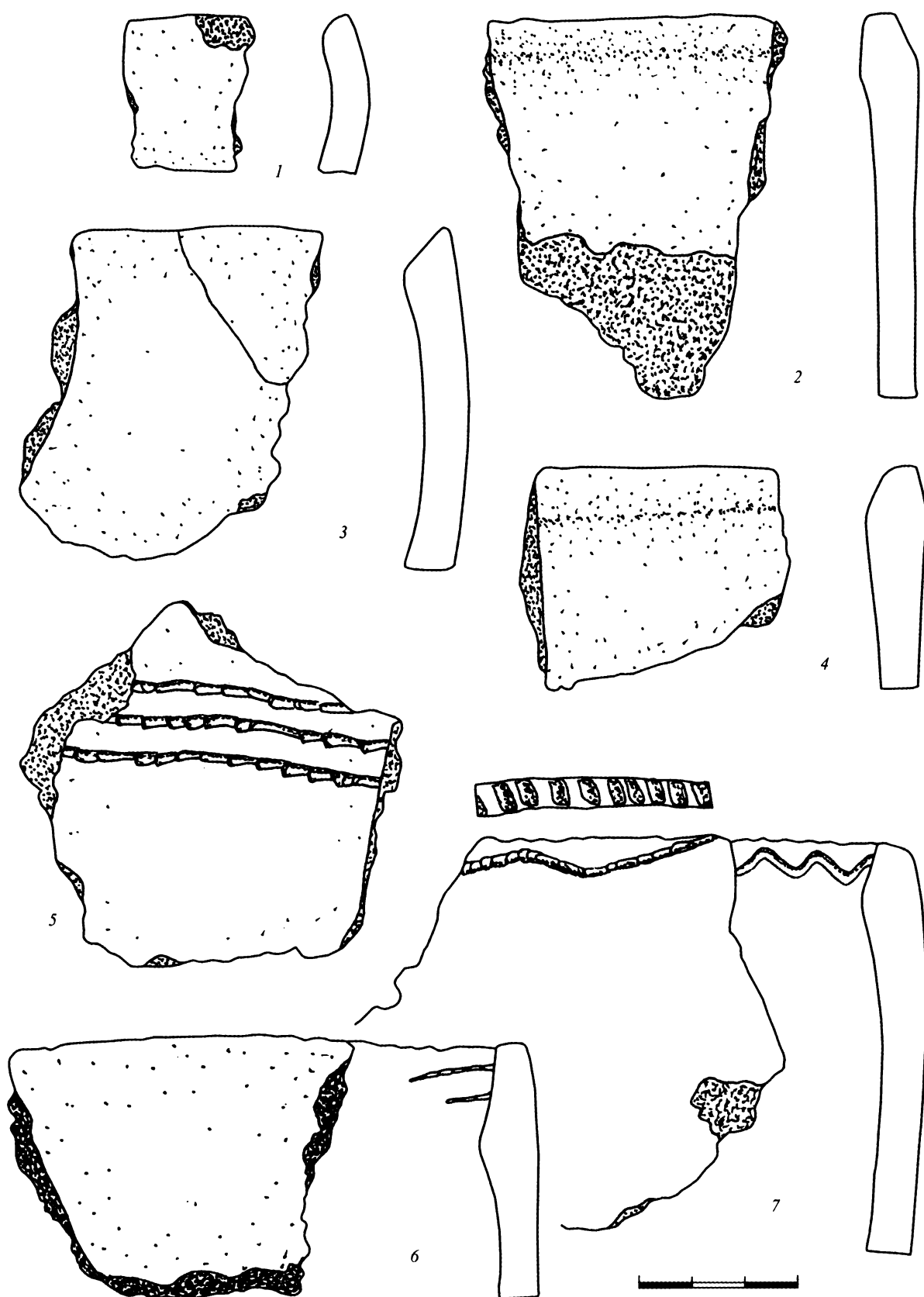

Рис. 26. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

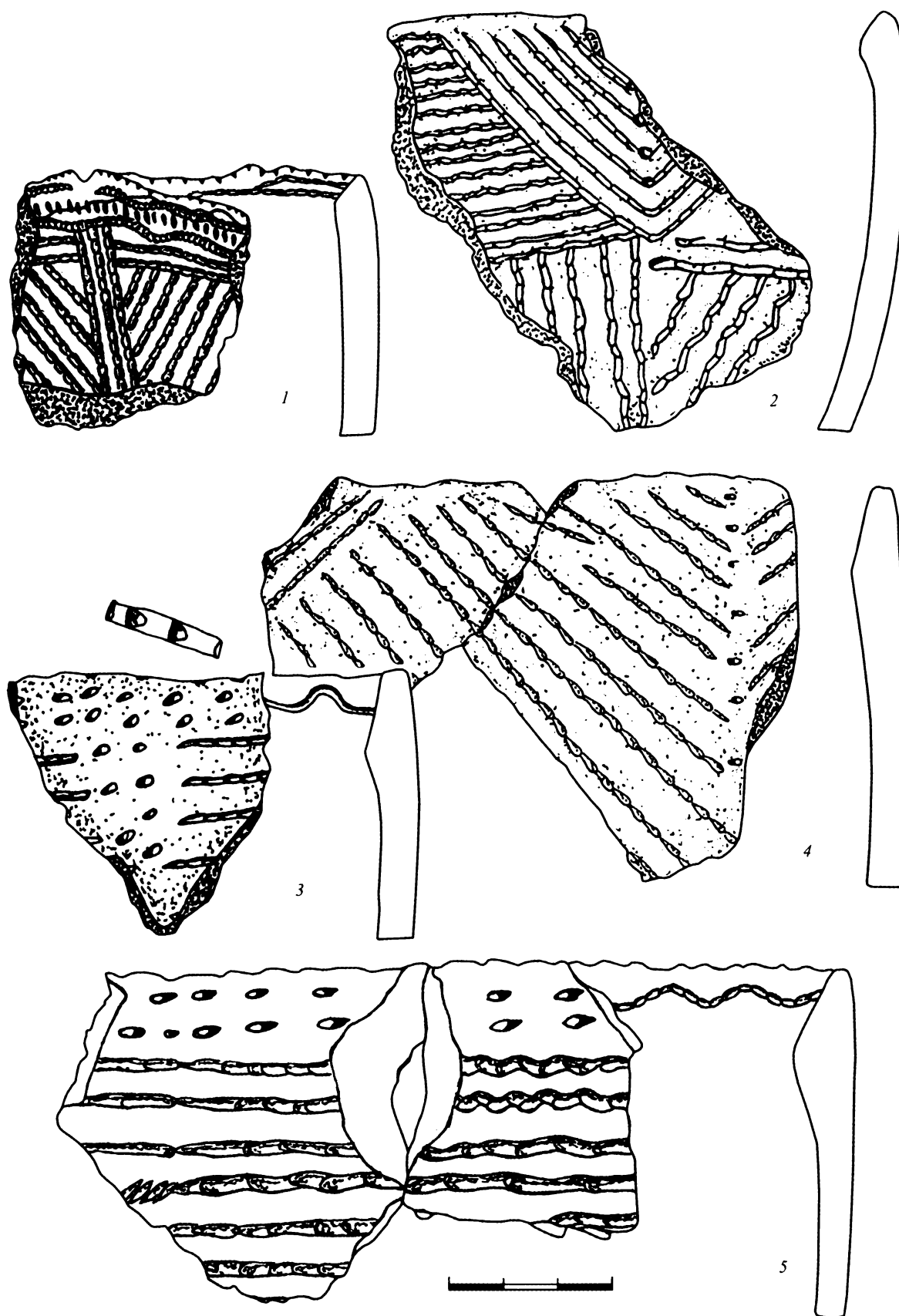

Рис. 27. Поселение ЮАО-ХІІІ-А. Керамика

миграции зауральского населения в северные и восточные регионы, судьбы как аборигенного, так и мигрировавшего населения, но не локальные или хронологические варианты этих культур.

В связи с рассматриваемой проблемой более пристального внимания заслуживают исследования в степной зоне Восточной Европы. Раскопанные поселения (Варфоломеевская стоянка в центральной части Волго-Уральского междуречья, стоянка Орловка близ Волгограда и др.) позволили выявить эволюцию техники нанесения орнамента в последовательности: прочерк – накол – гребенка³⁴. Подобная тенденция развития орнаментальных традиций выявлена и для юга лесостепи Южного Приуралья. Три типологические группы керамики — неорнаментированная или с неустойчивым прочерченным орнаментом, накольчатая и гребенчатая — соотносятся с ранним, средним и поздним этапами неолита³⁵. По всей вероятности, такая эволюция орнаментации на керамике носит стадийный характер и соответствует тенденции развития в технике орнаментации, выявленной и для Среднего Зауралья.

При всей сложности изучения раннего неолита Среднего Зауралья вряд ли оправдано возвращение статуса дискуссионности некоторым проблемам, связанным с кошкинской культурой. Специфика ее вырисовывается на фоне устойчивого комплекса различий со всеми неолитическими культурами зауральско-западносибирского региона. Генезис и ранний возраст кошкинской культуры определяются типологией комплексов в широком контексте неолитических культур как лесной, так и степной зон Восточной Европы и Урала. Этот вывод согласуется с имеющимися абсолютными датами и стратиграфическими наблюдениями. Исключительно гомогенная орнаментальная традиция керамики кошкинской культуры во многом сходна с орловской, каиршакской, джангарской (рис. 28). А. И. Юдин предполагает генетическое родство этих культур с кошкинской как следствие миграции населения из районов Северного Прикаспия³⁶. Эта точка зрения во многом совпадает с нашей³⁷.

Продолжающийся в настоящее время процесс выделения новых культур и линий развития для зауральского неолита в известной мере плодотворен. Вместе с тем наметилась опасная тенденция подчинять факты умозрительным схемам, выдвигать новые гипотезы на основании единичных и противоречивых фактов, а иногда и вопреки всем имеющимся фактам. Так, В. Н. Логвин считает возможным вновь объединить древности кошкинского и боборыкинского типов в один хронологический пласт и датировать его ранним энеолитом³⁸. Этой позиции в свое время придерживалась Л. Я. Крижевская, но она располагала ограниченным объемом материала. В настоящее время такой «взгляд со стороны» не может не удивлять. Памятники кошкинского типа датируются V тыс. до н. э. и по всем критериям соотносятся с ранним неолитом Зауралья.

В последнее время Л. Л. Косинская, в противовес утвердившейся концепции зауральского неолита, высказывает мнение о необходимости новых обобщений. Она убеждена, что уральское неолитоведение стоит на пороге новой региональной концепции, вариант которой и предлагает. Для раннего этапа неолита Л. Л. Косинская считает возможным выделить урало-западносибирскую общность от Приуралья до Енисея, куда уже сейчас могут быть включены северные культурные типы — сумпаньинский, сатыгинский, амнинский, быстринский, а также памятники кошкинской, козловской и частично боборыкинской культур. Эта общность на раннем этапе базируется на традициях урало-западносибирского лесного мезолита. Автор полагает, что в пределах этой общности можно будет решать проблемы духовной культуры и этнокультурной интерпретации древних уральцев³⁹. Такие конструкции лишены не только научной строгости, но и теоретических оснований. Кошкинская и боборыкинская культуры никогда не базировались на традициях лесного мезолита. Северный мезолит, как и названные культурные типы, настолько малоизучен, что говорить о преемственности культур мезолита и неолита преждевременно. Боборыкинская культура, как и культурные типы, сложившиеся на ее основе, датируются поздней, а не ранней стадией неолита.

Культурно-исторические общности формируются на основе генетического родства или интенсивных контактов. Например, вполне корректно объединить культуры с прочерченно-накольчатым орнаментом на керамике Нижнего Поволжья (Джангар, орловская культура) и Зауралья (кошкинская культура). Эта общность будет отражать динамику развития и расселение конкретных этнических групп со специфическими культурными стереотипами.

И, наконец, реконструкция духовной культуры и этнической специфики конкретных социумов или археологических культур может быть успешной при условии постижения уникального, единичного

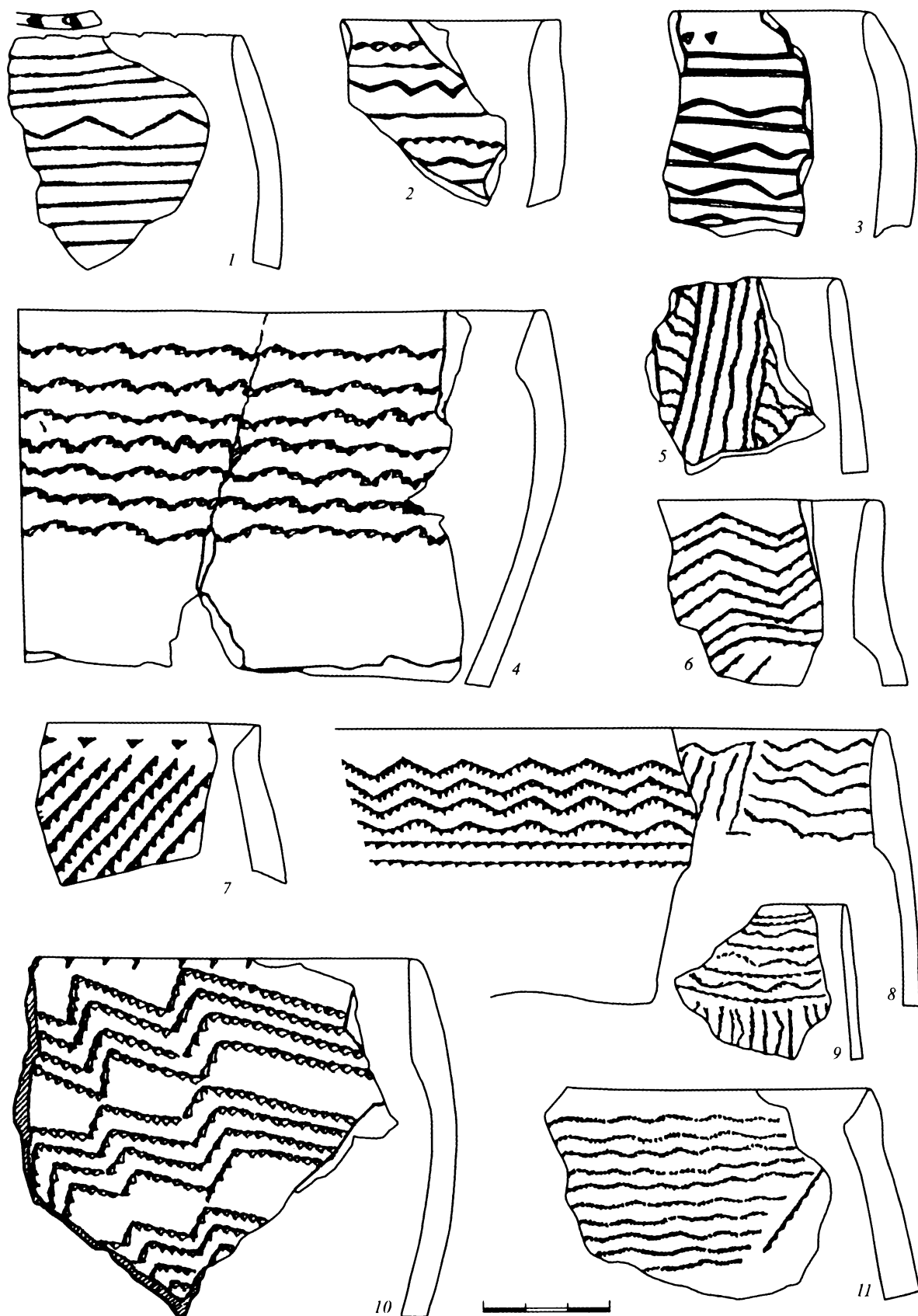

Рис. 28. Орловская культура. Керамика (по А. И. Юдину)

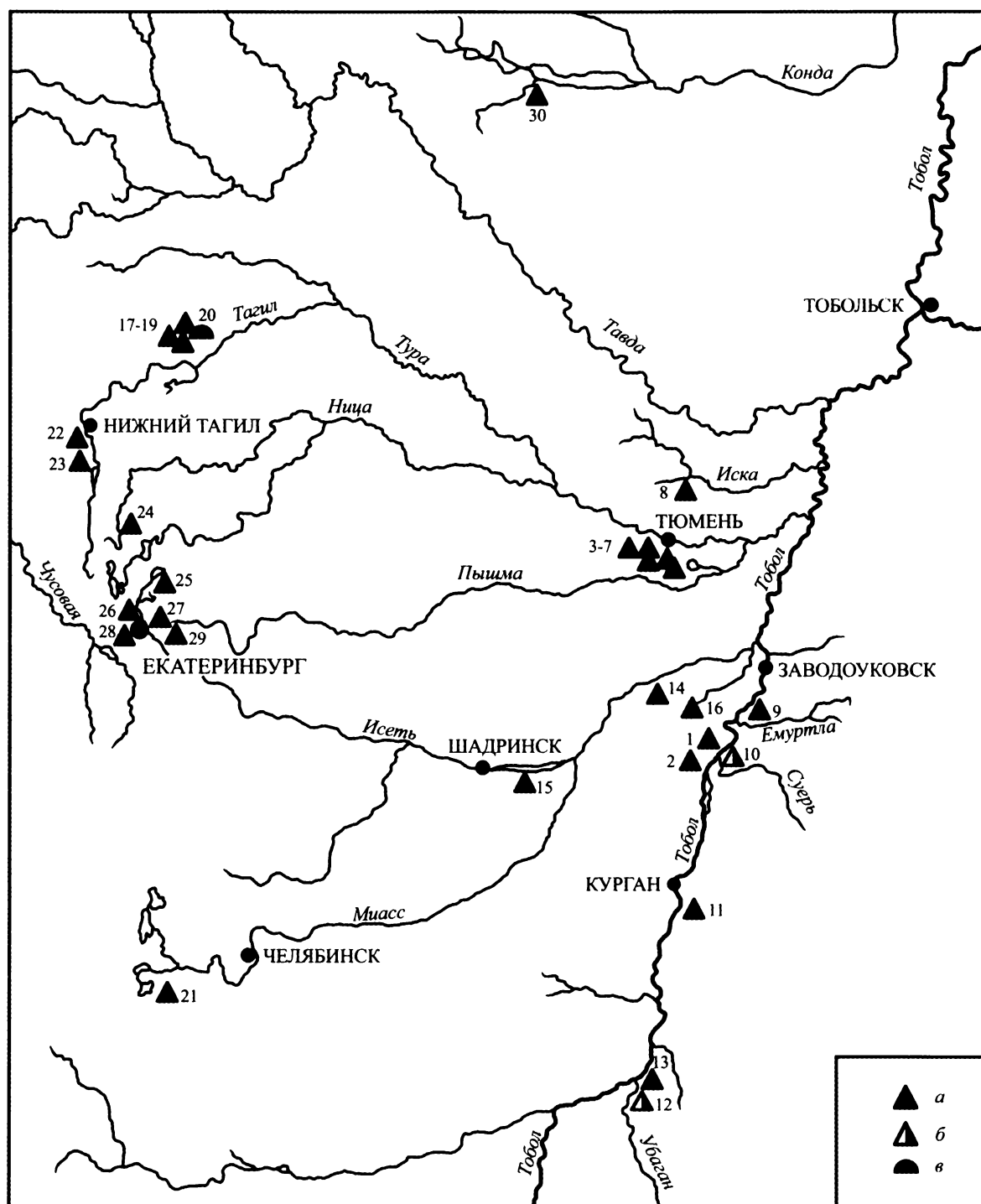

Рис. 29. Карта памятников кошкинской культуры.

a – поселения, исследованные раскопками; *b* – поселения, исследованные разведками; *v* – культовые памятники.
 1 – Кошкино V; 2 – Охотино; 3–7 – ЮАО-V, VI, XII, XIII-A, XV; 8 – Исток IV; 9 – Ново-Шадрино I;
 10 – Усть-Суерское II; 11 – Лисья гора; 12 – Убаган I; 13 – Убаган III; 14 – Рафайловское II; 15 – Ташково III;
 16 – Старо-Лыбаевское 4; 17 – Кокшарово-Юрьинская; 18 – Юрьинское; 19 – Кокшарово VII;
 20 – Кокшаровский холм; 21 – Чебаркуль XVI; 22 – II Береговая; 23 – Полуденка I; 24 – Амбарка I;
 25 – Коптяки VI; 26 – Калмацкий Брод; 27 – Шувакиш I; 28 – Макуша III; 29 – Малый Шарташ III; 30 – Сумпанья III

и его связи с родовым, всеобщим. Единый мир население Земли воспринимает по-разному. У отдельных общественных групп различны комплексы представлений и идей и различны их воплощения — в мифах, ритуалах, изобразительной деятельности. Самое увлекательное и, может быть, самое ценное в историческом исследовании — это определить особенное в той или иной культуре, уловить «красоту разнообразия» (по Г. Гачеву).

Археологические источники свидетельствуют о преобладании в эпоху неолита в Среднем Зауралье процессов этнической дифференциации, но не интеграции. Культурогенез в этом регионе определялся, по меньшей мере, двумя основными факторами: миграцией населения из районов Юго-Восточной Европы и формированием новых культурных образований на местной основе. Что касается районов Северного Зауралья, то, судя по имеющимся материалам, там фиксируется довольно пестрая мозаика различных культурных образований в связи с притоком населения из более южных регионов, их взаимодействия как с аборигенами, так и предшествующими мигрантами. Поэтому устойчивые традиции там не сложились. Облик археологических комплексов носит гетерогенный характер. Е. А. Васильев отмечает слабозаселенность таежных районов Западной Сибири. Миграционные процессы, по всей вероятности, имели определяющее значение в культурогенезе как эпохи неолита, так и энеолита⁴⁰.

Таким образом, усилиями многих ученых создан значительный источниковый фонд для изучения кошкинской культуры. Разведками и раскопками исследовано более 30 памятников кошкинской культуры на территории от Восточного склона Уральских гор до реки Тобол (рис. 29).

Наиболее южными являются поселения в верховьях Миасса и низовьях Убагана — притока Тобола. Северную границу можно условно провести по реке Туре. Основные памятники локализуются в Нижнем Притоболье и горно-лесном Зауралье. Отсутствие их в среднем течении рек Туры, Ницы, Пышмы и др., возможно, объясняется слабой изученностью. За пределами Среднего Зауралья памятники с керамикой кошкинского типа известны в бассейне реки Конды.

---

¹ Крижевская Л. Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья // Сибирь и ее соседи в древности. — Новосибирск, 1970. — С. 155–157; Она же. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. — Л., 1977. — С. 64–65.

² Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. — Тюмень, 1976. — Вып. 1. — С. 26–29.

³ Мошинская В. И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 58–59.

⁴ Викторова В. Д. Отчет о полевой работе на южном и северном берегу Андреевского озера (участок ЮАО-ХП и карьер II), произведенной летом 1975 года (личный архив В. Д. Викторовой).

⁵ Варанкин Н. В. Отчет об археологических раскопках на южном берегу оз. Андреевского, участок XII, раскоп 6 за 1977 год // АКА УрГУ. — Ф. II. Д. 260.

⁶ Алексашенко Н. А. Отчет о раскопках на XII участке Южного берега Андреевского озера (Тюменская область) за 1978 год // АКА УрГУ. — Ф. II. Д. 298.

⁷ Ковалева В. Т., Потемкина Т. М. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. — 1980. — Вып. 161. — С. 91–97.

⁸ Ковалева В. Т. О схемах развития неолита лесного Зауралья // ВАУ. — Свердловск, 1981. — Вып. 15. — С. 57–61.

⁹ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени) // СА. — 1984. — № 1.

¹⁰ Ковалева В. Т. Боборыкинская культура: Итоги изучения // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск, 1986. — С. 25–26. (ВАУ. — Вып. 18).

¹¹ Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: Итоги и перспективы // СА. — 1990. — № 2. — С. 12.

¹² Арефьев В. А. Прочерченно-накольчатая керамика поселений тагильского Зауралья // ВАУ. — Свердловск, 1986. — Вып. 18. — С. 28–33.

¹³ Сериков Ю. Б. Выйка II — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. — 1988. — № 1. — С. 32.

¹⁴ Ковалева В. Т., Осинцев А. В. Мировое древо — древнейшая модель мироздания (по материалам неолитических комплексов Зауралья и Западной Сибири) // Барсова гора. 110 лет археологических исследований. — Сургут, 2002. — С. 128–131.

- ¹⁵ Стефанова Н. К. Исток IV — неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. — Свердловск, 1991. — С. 198.
- ¹⁶ Шаманаев А. В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень, 2001. — С. 146–152.
- ¹⁷ Ковалева В. Т. Некоторые дискуссионные проблемы в изучении неолита лесного Зауралья // Проблемы изучения неолита лесной полосы Европейской части СССР. — Ижевск, 1988. — С. 108–118.
- ¹⁸ Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: Уч. пос. — Свердловск, 1989. — С. 59–63.
- ¹⁹ Зах В. А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири. — Тобольск, 1987. — С. 11–13.
- ²⁰ Зах В. А., Матвеева Н. П. Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 1997. — Вып. 1. — С. 7.
- ²¹ Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. — Тюмень, 2003. — С. 24.
- ²² Косарев М. Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. — М., 1987. — С. 261–262.
- ²³ Ковалева В. Т. В. Ф. Генинг и проблема генезиса керамики с ямочно-ребенчатым орнаментом в Нижнем Притоболье // Российская археология: Мат-лы науч. конф. — Ижевск, 2000. — С. 208–210.
- ²⁴ Сидоров В. В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // Тверской археологический сборник. — Тверь, 1998. — Вып. 3. — С. 72.
- ²⁵ Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла... — С. 26.
- ²⁶ Мамонов А. Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. — Самара, 1999. — Вып. 1. — С. 36.
- ²⁷ Усачева И. В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — С. 131.
- ²⁸ Шилов С. Н., Зырянова С. Ю., Шаманаев А. В. Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка I // ВАУ. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 24. — С. 90–118.
- ²⁹ Шорин А. Ф. Стратиграфические и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. — 2000. — № 3. — С. 92–100.
- ³⁰ Волков Е. Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 1999. — Вып. 2. — С. 10–12.
- ³¹ Хвостов В. А. Этнокультурные контакты населения Среднего Прииртышья в эпоху неолита — ранней бронзы (по материалам керамики) // Четвертые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Мат-лы науч. конф. — Омск, 1997. — С. 173.
- ³² Соболенкова Т. Н. Поздненеолитическое поселение Канда в бассейне реки Конды (к проблеме соотношения кошкинского-боборыкинского древностей) // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпозиума. — Новосибирск, 1998. — Т. 1. — С. 555–558.
- ³³ Глушков И. Г. Неолитическая керамика Конды по материалам пос. Чертова Гора и Канда // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпозиума. — Новосибирск, 1998. — Т. 1. — С. 135–137.
- ³⁴ Юдин А. И. Зауральские аналогии в орловской культуре Нижнего Поволжья // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск, 1999. — С. 51–53.
- ³⁵ Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Оренбург, 1995. — С. 50.
- ³⁶ Юдин А. И. Зауральские аналогии в орловской культуре Нижнего Притоболья // XIV Уральское археологическое совещание. — С. 51–53; Он же. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 62–63.
- ³⁷ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 23. — С. 162–183.
- ³⁸ Логвин В. Н. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 1. — С. 98–104.
- ³⁹ Косинская Л. Л. О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири // Северный археологический конгресс: Доклады. — Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2002. — С. 172–178.
- ⁴⁰ Васильев Е. А. Миграционные процессы в таежной полосе Западной Сибири в энеолитическую эпоху (причина и динамика) // Смены культур и миграции в Западной Сибири. — Томск, 1987. — С. 13–14.